

Вагин Юрий

Авитальная активность

Злоупотребление психоактивными
веществами и суицидальное поведение
у подростков

Вагин Юрий

**Авитальная активность.
Злоупотребление
психоактивными
веществами и суицидальное
поведение у подростков**

«Издательские решения»

Юрий В.

Авитальная активность. Злоупотребление психоактивными веществами и суицидальное поведение у подростков / В. Юрий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850642-0

Монография открывает новое направление в исследовании мотивации человеческого поведения. Впервые вводится обобщающее понятие для пресуицидального, суицидального, парасуицидального и десоциального поведения — авитальная активность. На примерах злоупотребления подростками психоактивными веществами автор показывает наличие единой глубинной основы деструктивных тенденций. Проводится критический анализ теории влечения к смерти З. Фрейда, что позволяет выявить ее ценность для современной науки.

ISBN 978-5-44-850642-0

© Юрий В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	7
Введение	10
Часть 1	13
Глава 1	13
Глава 2	31
Глава 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Авита́льная активность Злоупотребление психоактивными веществами и суицидальное поведение у подростков

Вагин Юрий

Редактор А. В. Волков

© Вагин Юрий, 2017

ISBN 978-5-4485-0642-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рецензенты:

Л. Я. Дорфман, д-р психол. наук, проф., зав. каф. психологии Перм. ин-та искусств и культуры

Р. А. Рогожникова, д-р пед. наук, проф. каф. педагогики
Перм. гос. пед. ун-та

Монография кандидата медицинских наук Ю. Р. Вагина открывает новое направление в исследованиях глубинной мотивации человеческого поведения. Автор рассматривает авита́льную активность (влечение к смерти) как основу таких распространённых у подростков форм отклоняющегося поведения, как злоупотребление психоактивными веществами и суицидальная активность.

Адресовано работникам медицины, образования, психологам.

Научное издание

Юрий Робертович Вагин

Ирине Владимировне Колуцинской

Предисловие

Уважаемый читатель, в этой книге мы продолжим знакомство с суицидальным и аддиктивным¹ поведением подростков. В предыдущей книге «Профилактика суицидального и аддиктивного поведения у подростков», вышедшей в 1999 году при содействии департамента образования и науки администрации Пермской области, я постарался дать общее представление об этих, наиболее часто встречающихся у подростков, вариантах отклоняющегося поведения, однако из-за объёмных ограничений мне не удалось остановиться на многих важных и сложных проблемах, знание которых, как мне кажется, необходимо людям, сталкивающимся с подростковым отклоняющимся поведением на профессиональном уровне.

В настоящей работе уделено большое внимание аспекту, связанному с приближающимся в подростковом возрасте *кризисом аутентичности*² – одним из центральных событий в жизни каждого человека наряду с рождением и смертью. Мы узнаем, что это такое, познакомимся с его проявлениями, психологическими особенностями и причинами возникновения, увидим, каким образом кризис аутентичности может влиять на аддиктивное и суицидальное поведение подростков.

Особого внимания требует проблема роста доступности для подростков информации, касающейся суицидального и аддиктивного поведения. Любой подросток, имеющий доступ в «Интернет», легко может найти там такие «интересные» для себя сайты, как «Сто способов самоубийства» или «Всё, что вы хотели знать о наркотиках, но боялись спросить».

В связи с началом использования на территории Российской Федерации блокаторов опиатных рецепторов (особого класса фармакологических препаратов) изменился современный подход к лечению и профилактике самой тяжёлой и распространённой формы подростковой наркомании – зависимости от героина.

Однако главные изменения коснулись самой постановки проблемы суицидального и аддиктивного поведения. На сегодняшний день я убеждён, что эти проблемы невозможно понять, а, следовательно, решить без учёта глубоко лежащего пласта *авитальной активности* – биологической и поведенческой активности, направленной непосредственно против жизни. Суицидальное и аддиктивное поведение – лишь видимая часть айсберга, лишь маленький, но пронзительно острый наконечник огромного копья, с момента зачатия направленного против нашей жизни.

Объём информации, относящейся к проблеме авитальной активности, постоянно растёт и становится всё менее обозримым. Информация эта носит по большей части разрозненный характер и почти не даёт возможности составить общее представление о том важнейшем аспекте человеческого существования, коим является авитальная активность в целом и суицидальная активность в частности.

В большинстве своём люди относятся к теме смерти достаточно негативно. Небытие антагонистично бытию, хотя и окружает его в прямом смысле со всех сторон. Мало кто испытывает желание, даже в мыслях, раньше времени подходить к тому краю пропасти, куда и так неспешно несёт нас поток жизни. Большинство психологов, психотерапевтов и педагогов хорошо знают из практики о том, как остро тема смерти начинает звучать именно в подростковом возрасте, – и мы должны быть готовы дать правдивые ответы на сложные вопросы, которые ставит перед нами человек, вступающий во взрослую жизнь.

---

¹ Отклоняющееся поведение, связанное с патологическим пристрастием (addiction – от англ. «тяга», «пристрастие») к различным веществам и видам деятельности.

² Психологические проблемы, связанные с завершением созревания (20–25 лет) и началом старения.

Только тот факт, что всё большее число людей во многих странах мира заканчивают жизнь самоубийством, заставляет специалистов углубляться в эту проблему. В 1996 году Джеймс Бэллинджер отмечает резкое возрастание научного интереса к исследованиям в области суицидологии и пишет, что в связи с омоложением суицидов эта проблема выдвинулась в круг *«центральных проблем наиболее активных и продуктивных слоёв общества»*³.

Поскольку самоубийство стоит в первом ряду причин смертности трудоспособного населения и наносит серьёзный экономический ущерб, связанный с потерей людских ресурсов, затратами на содержание суицидентов в больнице, оплатой больничных листов, выплатой пособий по инвалидности и пенсий иждивенцам, с самого начала мы должны уяснить себе, что обращение к теме смерти и самоубийства продиктовано не столько научным, сколько научно-практическим интересом. Большинство учёных, занимающихся проблемами суицидологии, напоминают чистых и непредвзятых исследователей феномена, как испанские конкистадоры – этнических исследователей культуры Майя.

Усиление интереса к проблемам суицидальной активности наблюдается и в России. Ранее, если бы это только было возможно, коммунистическая партия запретила бы самоубийство граждан как грубую диверсию, подрывающую основы морали, нравственности и социалистического образа жизни. Но, поскольку с тем же успехом можно было бы запретить наступление зимы или заход солнца, самоубийство как феномен искусственно вытеснялся с «солнечных» территорий официальной социологии и психологии на «теневую» территорию государственной психиатрии, где я и встретился с ним, начиная свою психиатрическую практику в конце 80-х годов.

Моя попытка составить приблизительную карту территории, посещать которую рискуют далеко не все, продиктована мотивами скорее личного плана. Я не связан ни с одной организацией или учреждением договором о разработке наиболее эффективных мер выявления и профилактики суицидального и аддиктивного поведения. Я не ставил перед собой задач, решение которых как-то могло бы исказить объективную картину, заставляя искусственно вырывать из живой плоти феномена наиболее ценные с конъюнктурной точки зрения куски. Изучение феномена самоубийства напоминает мне (так любимое мною в детстве) кропотливое составление сложной мозаики, в которой нет и не может быть ни одного лишнего компонента.

Многое изменилось и в моем подходе к проблеме аддиктивного поведения. Ранее эта проблема рассматривалась мною преимущественно с точки зрения нарушений межличностных отношений у подростков (нехватка эмоционального тепла в контактах с другими людьми компенсируется подростками с помощью алкогольных напитков и других психоактивных веществ). Данный взгляд на проблему сохранил свою актуальность, но, возможно, «взаимоотношения» подростков с психоактивными веществами определяются и другими, не менее важными, хотя и менее заметными, глубинными течениями. Может так оказаться, что широко известные выражения «Алкоголизм – хроническое самоубийство», «Наркотики – это медленная смерть» – не только красивые метафоры, но и отражение некоего глубинного, коренного родства между, казалось бы, такими различными формами поведения⁴, как самоубийство и употребление психоактивных веществ.

Я вижу, что в основе аддиктивного и суицидального поведения подростков лежит принципиальное поражение их жизненных сил (витальной активности) силами распада и смерти (авитальной активностью). Обе эти силы неотделимы одна от другой. Жизнь

---

³ Ballenger J.C. Введение. Выдержки из Ежегодника по психиатрии и практической психогигиене. – Т. 1. – М., 1996. – С. 4.

⁴ Обнаружена, например, глиняная табличка вавилонян и ассирийцев, относящаяся к III тысячелетию до н.э., в которой питье вина в сновидении рекомендуется толковать как предвещание недолгой жизни.

не существует без смерти, а смерть – без жизни. Мы воспринимаем их как естественные процессы. Поэтому, когда мы будем говорить об авитальной активности подростков, речь пойдёт скорее не о патологии, а об отклонении от нормы. Слишком рано, неестественно рано, авитальная активность у подростков с аддиктивным и суицидальным поведением поражает их витальные силы. *Слишком рано* они уходят *из жизни* при суицидальном поведении и *от жизни* – при аддиктивном.

Чтобы разобраться в этом вопросе мы должны хорошо понимать, что есть норма и что есть отклонение – на каждом этапе подросткового развития. Как это ни парадоксально, но именно избыточная стимуляция витальной активности детей и подростков может привести к обратному эффекту: пробуждению авитальной активности как компенсации бездумных действий родителей и педагогов. Если мы видим человека, который очень хочет спать, мы можем предположить, что перед этим он слишком долго и интенсивно бодрствовал. Если мы видим подростка, который слишком хочет умереть, значит, жизненные обстоятельства предъявили к нему чрезмерные требования, которые, истощив его жизненные силы, позволили прорваться на поверхность авитальной активности.

Последнее, в чём хочется признаться в предисловии, – это то, что каждый раз, садясь писать что-либо предназначенное не для медиков, я всеми силами стараюсь выкрутить руки своему на медицинском «арго» мыслящему мозгу и заставить его говорить на нормальном человеческом языке. Заранее каюсь и прошу простить: у меня это не всегда получается.

Введение

Карл Густав Юнг предупреждал, что «мы обязательно должны определять, что имеем в виду, когда употребляем тот или иной термин, иначе мы будем говорить на непонятном языке; и психология особенно страдает от этого»⁵. Следуя его мудрому совету, давайте поговорим немного о понятиях, в которые мы старательно «упаковываем» всё то, что считаем наиболее существенным для того или иного явления в наблюдаемом нами мире. Мы постоянно обозначаем, ограничиваем и разграничиваем мир вокруг себя так же, как ограничиваем красными флажками во время охоты на волка определённую территорию, чтобы он не мог вырваться за её пределы.

Мы будем «охотиться» с вами за очень сложным феноменом – *авитальной активностью*. Этот феномен настолько скрыт в глубинах нашего мозга, что крайне редко выходит на освещённую сознанием территорию. Крайне редко люди *осознают* скрывающуюся в недрах своего естества *авитальность*. Разве что иногда, стоя на балконе высотного здания, человек вдруг поражается промелькнувшему желанию броситься вниз. Разве что иногда, ведя машину, человек испытывает внезапное «бессмысленное» желание вывернуть одним движением руль и выехать на встречную полосу. Разве что иногда, в минуты внутреннего молчания, человек начинает слышать едва различимый неприятный скрежет: как будто какое-то огромное бездушное насекомое ползёт за ним, и он понимает, что это – смерть.

Если мы считаем, что одним из самых мощных витальных инстинктов является инстинкт самосохранения, мы можем только предположить, сколь мощной должна быть авитальная активность, чтобы, вырвавшись на поверхность, она смогла нейтрализовать и подавить инстинкт самосохранения.

Одно из проявлений авитальной активности – аддиктивное поведение. Мы видим, как некое мощное течение уносит от нас прочь подростков и взрослых, злоупотребляющих психоактивными веществами. Огромная невидимая рука вырывает их с корнем из школьной, семейной и личной жизни. Никакие призывы не в силах остановить их и вернуть к нормальной жизни. Более того, они сами протягивают к нам руки с мольбой о помощи, потому что чувствуют и понимают гораздо лучше нас: что-то страшное проснулось в глубинах их мозга. Мы же не понимаем, а чаще и не хотим понять, полностью всего того, что происходит. Но мы должны понять. Что за напасть такая свалилась на наши головы за последние несколько десятилетий? Или, может быть, это и не напасть вовсе, и ниоткуда она не сваливалась, а всегда жила во всех нас и заметна стала лишь после того, как слишком «расплодилась» и стала забредать на те возрастные территории, куда раньше и носа не казала.

О том, что авитальная активность в популяции усиливается и распространяется, поражая всё более и более ранние возрастные группы, можно судить даже по названиям работ, которые появляются в последнее время, например статья «Суицидальное поведение у детей дошкольного возраста», руководство для врачей «Подростковая наркология». Следующий этап – руководство по детской наркологии, которого, к счастью, пока ещё нет. Статистика детских самоубийств, равно как и детского алкоголизма, давно уже перестала быть казуистикой.

В докладе о совершенствовании законодательного обеспечения борьбы с наркотиками председатель комитета Совета Федерации по науке, культуре, образованию, здравоохранению и экологии Сударенков открыто говорит, что наркомания стремительно молодеет. Он относит высокие темпы роста числа наркоманов среди подростков и молодёжи к одной из самых тревожных особенностей наркоситуации в России. Именно среди сту-

---

⁵ Юнг К. Г. Конфликты детской души: Собр. соч. – М., 1994. – С. 49.

дентов и школьников заболеваемость растёт быстрее, чем среди других возрастных групп. Гораздо быстрее, чем в других странах, в России происходит переход молодёжи от «легких» наркотиков к героину и другим «тяжёлым» наркотикам. Рост наркомании привёл в ряде регионов к эпидемическому распространению ВИЧ-инфекции. Почти 100% вновь выявленных в последнее время её носителей – наркоманы.

В 1998 году в медицинских учреждениях России находилось на учёте более 42 тысяч подростков, употребляющих наркотические и другие психоактивные вещества. Число больных наркоманией, обращающихся за медицинской помощью, соотносится с истинным числом больных – один к семи. Примерно такая же, если не большая, цифра характерна по злоупотреблению и зависимости от алкоголя. Следовательно, *реально мы должны думать о 300 тысячах подростков, злоупотребляющих психоактивными веществами.*

Пермская область не входит пока в число краёв и областей с наиболее высокой распространённостью злоупотребления наркотиков и психотропных средств, среди которых: Краснодарский, Приморский и Хабаровский края, Тюменская, Самарская, Московская, Ульяновская, Волгоградская, Омская, Оренбургская, Свердловская, Иркутская области, города Москва и Санкт-Петербург. Но поводов для спокойствия у нас не больше, чем у жителей верхних этажей дома, в котором горит первый этаж. Именно поэтому необходимо приложить все усилия для профилактики этого явления.

Не хотелось бы услышать однажды от наших детей нечто подобное лозунгу, провозглашённому отцами-основателями молодёжной культуры 60-х (в частности, Питом Тауншендом из группы «The Who»): «Живи быстро, умри молодым». Именно этот лозунг вызвал тогда во многих западных странах эпидемию самоубийств – «быстрых смертей».

Не вызывает оптимизма и ситуация с суицидальной активностью. *Суициды вышли на третье место среди причин смерти у подростков после несчастных случаев и убийств.* Дэвид Майерс в руководстве по социальной психологии рассматривает факт утроения самоубийств подростков среди пяти основных негативных тенденций в Соединенных Штатах с 1960-х годов⁶. Резко возросшее число завершённых суицидов в подростковом возрасте, и особенно среди детей до 12 лет, зависит от многочисленных социокультурных условий, *которые в деталях на сегодняшний день ещё не выяснены, честно признаются учёные*⁷. Во время, как общее количество остаётся относительно стабильным, наблюдается драматический рост самоубийств среди молодёжи: если в 1960 году среди молодых людей в возрасте 15—24 лет на 100 тысяч человек приходилось 5,2 самоубийства, то уже в 1984 году – 12,5. Количество самоубийств среди детей 5—14 лет за последнее десятилетие удвоились. По анонимным опросам у 30% лиц в возрасте 14—24 лет бывают суицидальные мысли, 6% юношей и 10% девушек совершали суицидальные действия.

Требуется экстренные мероприятия по разработке методов выявления и помощи детям и подросткам, имеющим высокий риск возникновения суицидального поведения. К сожалению, на сегодняшний день в стране не издано ни одного руководства по суицидологии. Педагоги и врачи страдают от нехватки информации о методах работы с этой группой подростков. Если мы не сможем понять суть происходящих процессов при суицидальном и аддиктивном поведении подростков, мы не сможем им ничем помочь.

Подростки, противореча инстинкту самосохранения и здравому смыслу, ведут себя таким образом, что их поведение можно охарактеризовать только как саморазрушительное (деструктивное). Специалисты в области образования, здравоохранения, правопорядка, а также простые граждане могут наблюдать грустную картину: подростки пьют, колются, нюхают, травятся, вешаются и стреляются. Только в известной анекдотической истории три

---

⁶ Майерс Д. Социальная психология. – СПб., 1999. – С. 254.

⁷ Психиатрия, психосоматика, психотерапия /К. П. Кискер и др. – М., 1999. – С. 58.

бабушки у подъезда радуются за своих внуков, один из которых станет врачом, потому что постоянно делает себе уколы, другой – агрономом, потому что выращивает на даче мак и коноплю, а третий – шофёром, потому что постоянно нюхает бензин. Большинство отцов и матерей такой наивностью уже не обладают и с ужасом ожидания, украдкой смотрят на локтевые сгибы своих подрастающих детей или переживают, когда те после очередного конфликта в школе или во дворе долго не отзываются из ванной комнаты.

Поскольку мы с вами не наивные бабушки и не только озабоченные родители своих детей, а профессионалы, которым государство платит деньги за государственную службу, мы *должны иметь* систематизированные знания для решения тех задач, которые государство перед нами ставит. Общество, которому мы служим, это как раз и есть те самые наивные бабушки и озабоченные родители и то самое «пьюще-вешающееся», но тем не менее подрастающее поколение.

Часть 1

Глава 1

Витальная активность

С тех пор как на Земле существует жизнь, мириады живых существ постепенно и последовательно сменили друг друга в эволюционной цепочке. Одни формы жизни возникали, другие исчезали; какие-то из них практически в неизменном виде сохранились на протяжении миллионов лет, какие-то в силу ряда причин претерпели существенные изменения.

Мы каждую секунду наблюдаем на поверхности Земли нескончаемый процесс удивительной *витальной активности*: неорганическая материя самоструктурируется по определённой программе, заложенной в молекулах ДНК. На наших глазах в буквальном смысле слова из «праха земного» творится новая жизнь, чтобы, исполнив своё предназначение – передать эстафетную палочку следующему поколению, – затем в прах земной и возвратиться. Миллионы лет продолжается этот процесс, и миллионы миллионов живых существ бесконечно ведут борьбу за право наилучшим образом выполнить то своё предназначение, разгадка смысла которого теряется в бесконечных просторах Вселенной.

Витальная активность человека проявляется и соответственно наблюдается в двух формах:

1. *Человек имеет внутреннее побуждение использовать все имеющиеся возможности для обеспечения собственного существования – инстинкт самосохранения.* Сюда относится активность, направленная на избежание несовместимых с жизнью ситуаций, такая как поддержание внутреннего баланса (гомеостаза), получение необходимых для жизнедеятельности веществ (кислород, вода, пища), оборонительные инстинкты и т. д.

2. *Человек имеет внутреннее побуждение вступать в сексуальные отношения с особями противоположного пола и заботиться о произведённом потомстве – половой и родительский инстинкты.*

Мы практически не имеем возможности сознательно прекратить жизнь путём неудовлетворения основных витальных потребностей. Например, мы не можем покончить с собой, сознательно прекратив дышать, но мы можем создать различные ситуации, когда воздух прекращает поступать в наши лёгкие (утопившись или повесившись). При этом нам нужно позаботиться о том, чтобы витальные инстинкты не разрушили наши самоубийственные планы, и мы заботливо привязываем себе на шею тяжёлый камень, чтобы, обманутый в своих лучших ожиданиях, инстинкт самосохранения в последний момент не испортил нам запланированное мероприятие. Или мы можем обмануть витальный инстинкт другим путём: не мешая явно организму поглощать кислород, незаметно для него прекратить поступление насыщенной кислородом крови в мозг, передавив сонные артерии. Мозг, не замечая коварства, почувствовав недостаток кислорода, заботливо временно отключает сознание и засыпает для уменьшения потребления кислорода, но уже не включается никогда. Мы не можем также остановить жизнь, сознательно лишив себя воды, и лишь немногим удаётся покончить с собой путём прекращения приёма пищи.

Витальные инстинкты настолько хорошо устроены, что не нуждаются в нашем сознательном регулировании. Мы можем, конечно, произвольно регулировать частоту дыхания, процессы поглощения воды и пищи и другие гомеостатические функции, но права решающего голоса сознание, к счастью для нашей жизни, лишено. Мы не можем мгновенно остановить жизнь просто усилием воли. Большое количество моих пациентов сообщало

о своей готовности прекратить существование в том случае, если бы вопрос решался простым нажатием кнопки. «Была бы кнопка, которую можно было бы нажать, чтобы меня сразу же не стало, – я бы нажал», – говорили они. А один очень неглупый пациент, который, видимо, подозревал, что даже *нажать кнопку* ему может помешать инстинкт самосохранения, сказал: «Хорошо бы, чтобы эту кнопку нажал случайно кто-нибудь другой и чтобы ни я ни он об этом не знали».

Таким образом, мы видим, что витальные инстинкты твёрдо стоят на страже входа на тот путь, который максимально быстро может привести нас к смерти. Боль, страдание и страх – те хлысты, с помощью которых природа отгоняет всех живых существ от преждевременной смерти и блаженного состояния неорганического бытия до тех пор, пока они не исполнят своего предназначения.

Человек в этом отношении отличается от остальных живых существ лишь тем, что ему удалось, используя возможности коры больших полушарий, разработать модели поведения, против которых инстинкт самосохранения бессилён что-либо предпринять. Коре головного мозга удалось победить природу, обманув её стражей.

Только благодаря этой победе противоположные жизни влечения получили возможность вырваться на свободу и беспрепятственно вести человека максимально быстрым путём к конечной точке его существования, минуя или легко перешагивая не только через половой и родительский инстинкт, но и через мощнейший инстинкт самосохранения.

Только человек получил возможность замедлить и даже остановить процесс своего размножения. Не имея больших возможностей преодолеть половой инстинкт, человек прилагает значительные усилия для предотвращения оплодотворения и прерывания беременности. Только кора больших полушарий была способна придумать целибат, презерватив, аборт и гормональную контрацепцию.

Только человек получил возможность самостоятельно воздействовать на свои центры удовольствия, производя и потребляя алкоголь, наркотики и другие психоактивные вещества, чтобы обойти те самые негативные эмоциональные состояния (страх, страдание, тревогу и боль), которые запускают в нормальном состоянии витальные инстинкты и витальную активность, не дающие человеку максимально быстро приблизиться к состоянию небытия. Только человек может сам убить себя или побудить других сделать это.

Подросток, начинающий испытывать сексуальную потребность и половое влечение, уже не разрабатывает модели поведения, направленные на завоевание объекта. Он не учится поло ролевому поведению, он не стремится к внешней и внутренней привлекательности для завоевания «девушки своей мечты», которая могла бы удовлетворить его сексуальную потребность. Он в свои 13—14 лет в зависимости от доступности тех или иных психотропных веществ использует либо летучие органические углеводороды (бензин, бытовые растворители, клей), либо более дорогие психоактивные вещества, включает порнографическую кассету – и весь мир перед ним, весь мир его.

Когда подростку надоедает или перестаёт его удовлетворять такая медленная смерть, он легко может поправить ситуацию, всего лишь увеличив дозу принимаемого вещества. Не случайно одно из самых распространённых названий героина: «белая смерть».

Таким образом, «коварная» кора больших полушарий (являясь энергетически и мотивационно крайне слабым образованием, которое по большому счёту паразитирует на более простом и надёжном древнем мозге) за счёт своих уникальных когнитивных способностей оказывается в силах усыпить, обмануть и победить могучего, но простодушного «огнедышащего дракона» витальной активности, скрывающегося в недрах нашего мозга.

Наш мозг – с его стремительной эволюцией, начиная с первых млекопитающих и заканчивая человеком – вообще большая загадка. Известно, что уже мозг первых репти-

лий вполне обеспечивал их адаптацию к внешнему миру. Но какой резкий толчок и с какой целью направил эволюцию мозга в сторону быстрого увеличения его объёма?

Проблема головного мозга всегда ставится во главу угла лишь потому, что человек считается вершиной эволюционного процесса. Подобные безапелляционные заявления о человеке как высшем звене эволюции (лишь на том основании, что у него имеется самая высокоразвитая центральная нервная система) слышать всегда несколько странно. Подобный предрассудок есть всего лишь одна из многочисленных разновидностей остающегося в мировосприятии антропоцентризма⁸.

Если проследить за эволюционным процессом непредвзято, то можно без труда заметить, что общим принципом развития живой материи является увеличение и усложнение функциональных систем, совершенствующих адаптационные способности организма к условиям окружающей среды.

Центральная нервная система является лишь одной из тысяч подобных функциональных систем среди различных морфо-функциональных образований, таких как ноги, шея, кожа, глаза, кишечный тракт, ядовитые железы и т. д. В процессе эволюции живое существо становится, как писал Тейяр де Шарден, «неодолимым очагом разнообразия, направленного прибавления, бесконечного разветвления живой массы, изменяющей биосферу и условия жизни любых будущих организмов в любой среде обитания».

У кого хватит смелости сказать, что человек лучше адаптирован к условиям окружающей среды, чем те многочисленные виды, которые настолько совершенны в этом плане, что существуют практически в неизменном виде на протяжении миллионов лет (например, насекомые).

Природа любит экспериментировать, часто доводя до абсурда свои изобретения, например как с шеей у жирафа или массой у динозавров. Жирафы живут – динозавры вымерли. Эволюция продолжается.

Никто не может сказать, что центральная нервная система является вершиной адаптационных способностей живых существ. Более того, есть основания подозревать, что развитие центральной нервной системы давно уже идёт по патологическому пути, не имеющему большой перспективы в будущем. Усложнение центральной нервной системы, за счёт которого обеспечивается прижизненное формирование гибких функциональных систем для адаптации к быстро меняющимся условиям окружающей среды, привело к необходимости передачи большого количества информации после рождения индивида и необходимости создания знаковой системы и понятийного аппарата. Это в свою очередь резко исказило непосредственность восприятия человеком реальности. Мы перестали видеть мир таким, каким он является. Мы можем видеть мир лишь настолько, насколько богата система понятий, усвоенная нами в детстве. Всё, что остаётся за рамками понятийной системы, просто выпадает из поля зрения, не учитывается и игнорируется. Того, чего нет в понятии, – нет вообще. Как писал Мераб Мамардашвили: «Знание того, что мы видим, несомненно, мешает нам видеть видимое»⁹.

Знаковая система, язык, в определённом смысле ослепляет нас, предлагая взамен феноменальных сущностей номинальные ярлычки. Я подозреваю, что обменяв наглядно-действенное и конкретно-образное мышление на абстрактно-логическое, мы уподобились дикарям, которые с радостью обменивают золото и жемчуг на дешёвые цветные бусы и копеечные зеркала. Мудрость всегда боится понятий. Так было и в религии, и в философии.

---

⁸ Если попытки опровергнуть гелиоцентрическую картину мира Коперника уже почти не встречаются, то попытки опровергнуть теорию Дарвина широко распространены и в настоящее время.

⁹ Мамардашвили М. Как я понимаю философию. – М., 1992. – С. 44.

Не должно изрекаться имя Бога, неизречённо Дао, неизречённо Просветление, неизречён и путь к нему. Феномен, вложенный в Номен, может быть только трупом Феномена.

На рисунке 1 большинство нормальных людей увидят не два кружочка, соединённые палочкой (А), а очки (В) или гантельку (Б), и через час, если их попросить нарисовать то, что они видели, они будут рисовать или гантельку, или очки и утверждать, что это именно то, что они видели.

А. О-О   Б. О=О   В. О-О/

Рис.1. Зависимость восприятия от имеющихся представлений.

Этот первый тупик, связанный с формированием второй сигнальной системы, был известен восточным философам ещё несколько тысяч лет тому назад. Вся система йоги построена на постепенном и систематическом разрушении понятийного мышления и переводе его на непосредственный анализ воспринимаемого потока информации. Вспомним знаменитые системы коанов: «Как звучит хлопок одной ладони?» и т. п.

В произведении Феликса Розинера «Некто Финкельмайер» мне встретилось описание спонтанного «просветления» героя в период болезни, когда его «восприятие вернулось вспять – к началу, к истокам, когда всё вокруг предстаёт лишь разрозненными осколками простых ощущений. Мы не знаем себя в наши первые месяцы жизни. Обращаясь к памяти, мы застаём себя среди мира, уже сложившегося в сознании во что-то определённое, – пусть мы и не можем в этом мире понять и назвать. Но в свои два-три года, глядя на дерево, мы знаем, что это – *дерево*; мы знаем, что собака – это *собака*, солнышко – это *солнышко*, а больно – это *больно*, и от этого кричишь... Я же тогда, после болезни, вернулся ко временам ещё более ранним. Я увидел падающий лист, и это было огромным, потрясшим меня событием, которое не облекалось в моих мыслях словами. Оно стало чудом само по себе, необъяснимым жёлтым волнением... трепещущей желтизной... колыханием круга... Столько падает жёлтых волнений, столько медленных жёлтых кругов!.. Облако над крышей – не облако, нет: расширение света; исчезновение белизны, синее заполняет... холодное, острое там растекается и плывёт далеко и приближается и входит в грудь...»¹⁰.

Я хорошо помню себя в детстве, когда окружающая действительность воспринималась мною как в тумане, мир был бесконечен. Но это не было ощущение бесконечности, свойственное взрослому человеку, для которого эта бесконечность кажется часто чужой, ненужной и неинтересной, – это была живая бесконечность, она была частью меня и я был в неё погружён. Может быть, так понимали одухотворённый космос древние греки. С возрастом это ощущение сказки проходит. По улице едет трамвай, спешат люди, дует ветер. И трамвай – это трамвай, которого долго нет, в котором не закрывается окно и поэтому холодно. Это никак не звенящий и не дребезжащий на всех поворотах праздник, и люди, сидящие у окон, не спешат приложить свои ладони к замёрзшим стеклам, чтобы совершить чудо, и они по-своему счастливы в своей слепоте. Понятия – это та смиренная рубашка, в которую мы облекаем окружающую действительность и свой мозг, даже не замечая этого.

Я говорю об этом ещё и потому, что слишком часто мне приходится слышать от подростков, злоупотребляющих психоактивными веществами или находящихся в состоянии депрессии с суицидальными мыслями, что они разучились «радоваться жизни такой, какая она есть...»

---

¹⁰ Розинер Ф. *Некто Финкельмайер*. – М., 1990. – С. 67.

Второй тупик, возникший в процессе развития центральной нервной системы, связан с возникновением сознания и самосознания. Этот процесс идёт буквально на наших глазах в пределах летописного исторического периода. Центральная нервная система развивалась изначально в целях гибкого реагирования на изменяющиеся параметры окружающей среды. Но парадокс в том, что сама по себе центральная нервная система на определённом этапе становится настолько сложной, что требуется новое функциональное образование, выполняющее функцию контроля над деятельностью самой центральной нервной системы, – сознание.

Столь сложная система на базе не поддающихся регенерации клеток головного мозга – затея, изначально обречённая на провал. Такая система не может работать без сбоев. Усложнение функционирования центральной нервной системы за счёт сознания приводит к лавинообразному нарастанию психических расстройств и, как следствие, увеличению количества психиатров. Ещё Дейл Карнеги писал, что в Соединённых Штатах более 50 процентов коек заняты пациентами с психическими и эмоциональными расстройствами. В нашей стране это звучит пока ещё непривычно, но в более развитых странах большинство населения так же не мыслит себе жизни без психиатра, психоаналитика, психолога, как мы не мыслим её без врача.

Если ещё 300 лет тому назад врач для подавляющего большинства населения был явлением настолько редким, что многие жили и умирали, ни разу не столкнувшись с ним, то сейчас, особенно в развитых государствах, мало людей, способных прожить без врача.

Но самое страшное, что сознание как контролирующая функция над гибкими психическими процессами продолжает делиться и усложняться. Мы уже не способны жить одним лишь коллективным бессознательным, как гомеровские герои, а имеем Суперэго-сознание и Эго-сознание, мы имеем мультипликационное сознание, как его понимал Эрик Берн (Я-Родитель, Я-Ребёнок, Я-Взрослый), и мультипликационное ситуационное сознание Ассаджоли («Я» на работе, «Я» дома, «Я» в гостях). Чехов в рассказе «Именины» описывает парадоксальное преображение главного героя Петра Дмитрича, когда он занимает председательское кресло на съезде: «На председательском кресле, в мундире и с цепью на груди, он совершенно менялся... Всё обыкновенное человеческое, своё собственное... исчезало в величии, и на кресле сидел не Пётр Дмитрич, а какой-то другой человек, которого все звали господином председателем... Откуда брались близорукость и глухота... С высоты величия он плохо различал лица и звуки, так что если бы, кажется, в эти минуты подошла к нему сама Ольга Михайловна (жена), то он и ей бы крикнул: «Как ваша фамилия?»¹¹.

Если подходить к высшей нервной деятельности, к центральной нервной системе с таких позиций, то окажется, что человек – это если и не ошибка Природы, то в лучшем случае – попытка Природы. Нужно очень любить себя, чтобы заявлять, что человек является вершиной и конечным этапом эволюционного процесса – это смешно! Это даже ещё более смешно, чем претенциозные заявления на божественное происхождение человека.

В дальнейшем мы убедимся, что в основе как аддиктивного, так и суицидального поведения подростков лежит сложный процесс расщепления сознания, когда одна часть сознания подростка может быть настолько независима от другой, настолько агрессивно настроена против другой, что реально может выдать приказ на её уничтожение. И только меры психологического и психотерапевтического воздействия способны наладить их контакт между собой и остановить саморазрушительный процесс аддиктивного поведения.

Мы убедимся, что в основе функционирования этих расщепившихся частей сознания лежит глубоко скрытое бессознательное желание умереть и вернуться к начальному недифференцированному (целостному) состоянию.

---

¹¹ Чехов А. П. Именины //Собр. соч.: В 12 т. – М., 1985. – Т. 7. – С. 38—39.

Мы (люди) называем себя вершиной эволюционного процесса, мы утверждаем, что человек является самым приспособляемым живым существом на земной поверхности. Мы на самом деле научились жить даже в условиях космического пространства, но... мы же представляем собой тот единственный вид, представители которого могут самостоятельно прекращать своё существование, и мы же по иронии судьбы – тот единственный вид, который в процессе своей эволюции реально подошёл к тому, чтобы полностью прекратить жизнь на Земле, чтобы на той самой эволюции, которой мы обязаны самим фактом своего существования, поставить раз и навсегда жирную точку.

Как и на всех живых существ, на нас постоянно действуют разрушительные силы окружающей среды, умением противостоять которым мы справедливо гордимся, но беда пришла – откуда не ждали. Мы научились отражать атаки врага снаружи, а он пришёл изнутри. Мы тратим огромные средства на то, чтобы предсказать землетрясение, ураган или цунами, но мы пока лишь с удивлением взираем на то, как саморазрушительные процессы сметают с лица Земли не меньшее, если не большее, число людей. И мы к этому пока настолько не готовы, что даже не способны иногда признать сам факт наличия проблемы. Как верно подметил Карл Меннингер: «Все, кто изучал поведение человека, неизбежно приходят к осознанию того, что основную причину людских невзгод следует искать в самих людях. Иными словами, в значительной степени проклятие, тяготеющее над человечеством, можно определить как самоуничтожение»¹².

Разумеется, *не все, но многие* приходят к осознанию того, что у представителей человеческого рода мы наблюдаем совершенно особое, на первый взгляд, уникальное для живой природы явление – *авитальную активность* (активность, направленную против жизни, против себя, активность к смерти, влечение к смерти). Поэтому пришла пора расставаться с очень многими нашими старыми, добрыми, удобными и уютными заблуждениями. Пришла пора прекратить искать простые неверные решения для очень сложных проблем.

Поскольку мы будем дальше обсуждать очень сложный феномен авитальной активности, который в значительной степени выходит за пределы нашего привычного понимания, нам необходимо сконцентрировать всю свою энергию для принятия, удержания и закрепления той новой системы мировосприятия и мировоззрения, против которой восстает всё наше привычное мышление, но без которой, как я уже говорил, невозможно адекватно понять и решить проблему злоупотребления психоактивными веществами и суицидального поведения у подростков.

Попытаемся представить себя в положении людей, обладающих органами чувств (которым они привыкли доверять), – и они должны вдруг поверить, что маленькое Солнце, которое, *очевидно*, вращается вокруг большой Земли, на самом деле является огромным огненным шаром, вокруг которого вращается маленький шарик – Земля. Это очень сложно. Это никогда не получается сразу. Что с того, что более двух тысяч лет тому назад Аристарх Самосский доказал, что Земля – это шар, вращающийся вокруг Солнца. Ни античность, ни средневековье, как мы знаем, не признали его. Это знание никому не мешало ещё восемнадцать столетий верить в обратное. И не только в это...

Итак, мы долго верили, что Земля – центр Вселенной и что Вселенная вращается вокруг Земли. *Последний*, кто эту веру окончательно подорвал – был Коперник (одно из пространственных заблуждений – это вера в то, что великие открытия делают великие люди. Скрытую правду жизни знают многие. Только очень немногим хочется испытать на себе

---

¹² Меннингер К. Война с самим собой. – М., 2000. – С. 10.

гнев тупых Гиппархов и Птолемеев, больше увлеченных хлебом, зрелищами и театром, чем наукой).

Мы долго верили, что мы – единственные из всех живых существ созданы по образу и подобию Бога. Последний, кто разрушил и эту веру – был Дарвин. Он показал, что органическая молекула имеет больше оснований гордиться своим божественным происхождением, чем человек, ибо её происхождение неизвестно и оставляет место для фантазий, а происхождение человека от обезьяны – хорошо проверенный с гипотетической стороны научный факт. Правда, этот научный факт совершенно не мешает основной массе человеческих индивидов продолжать верить в Бога и строить на этом основании различные забавные теории Богоизбранности, Богочеловека, Человекобога и тому подобные. Креационисты¹³ объясняют факт существования ископаемых животных желанием Бога «запутать» будущих исследователей. Создавая мир за семь дней, Бог предусмотрительно вложил в земные породы все ископаемые виды животных.

Артур Шопенгауэр писал, что «скорее совы и летучие мыши спугнут солнце обратно к востоку, чем познанная истина, выраженная с полной ясностью, снова подвергнется изгнанию, чтобы старое заблуждение опять невозбранно заняло своё просторное место»¹⁴. И после этого его ещё называют пессимистом?! Если рассматривать историю человечества с этих позиций, то наше солнце, не останавливаясь, катится на восток и «в насмешку» над великим философом большая часть его книг пошла после издания в макулатуру.

Французский просветитель восемнадцатого века Кондорсе в «Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума» наивно изобразил историческое развитие человечества в виде бесконечного прогресса, обусловленного внешней природой, культурными достижениями и взаимодействием людей. Он очень досадил всему прогрессивному человечеству и, можно сказать, сам малодушно опроверг своё учение, «бессовестным образом» покончив жизнь самоубийством в тот момент, когда «прогрессивное человечество» собиралось его самым прогрессивным и культурным способом гильотинировать. Как откровенно писал в биографии Робеспьера советский историк Левандовский: «Под грохот сражений и стук гильотины шёл непрерывный процесс созидания»¹⁵.

Если и может быть среди этого «прогрессивного» грохота и стука у нас с вами самое глубокое заблуждение – так это то, что наши истины кому-нибудь *очень* нужны. Те знаменитые сто книг, которые следует иметь в своей библиотеке и в которых уместается вся мудрость человечества, всегда безошибочно оказываются во всех кострах, которые жжёт толпа, подогревая свои революционные порывы и свято веря не важно во что...

«Дела плохи, – пишет Виктор Франкл, – но они станут ещё хуже, если мы не будем делать всё, что в наших силах, чтобы улучшить их... Несмотря на нашу веру в человеческий потенциал, мы не должны закрывать глаза на то, что человеческие люди являются и, быть может, всегда будут оставаться меньшинством. Но именно поэтому каждый из нас чувствует необходимость присоединиться к этому меньшинству»¹⁶. Эрик Фромм по этому же поводу пишет: «Я убеждён, что психолог должен внести свой вклад в понимание современного кризиса, причём безотлагательно»¹⁷. «Нам недостаёт инициативных, духовно свободных людей со свежими подходами к актуальным проблемам. Мы остро нуждаемся в их творческих идеях, смелых проектах и новых представлениях о жизни. Мы повсюду наталкиваемся на стереотипы: в мышлении, поведении, общественной жизни – и не умеем их

---

¹³ Креационизм – теория, доказывающая создание мира и человека Богом.

¹⁴ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Собр. соч.: В 4 т. – М., 1998. – Т. 1. – С. 80.

¹⁵ Левандовский А. Максимилиан Робеспьер. – М., 1959. – С. 49.

¹⁶ Francl V.E. The unconscious god. – N.Y.: Washington Square Press, 1985. – P. 83–84.

¹⁷ Фромм Э. Бегство от свободы / Пер. с англ. – М., 1995. – С. 115.

преодолевать. Если бы мы могли стать чуть более открытыми и раскованными, чуть менее подверженными стереотипам, чуть более непосредственными – насколько меньше было бы у нас проблем»¹⁸ – вторят Франклу и Фромму российские психологи.

И не надо истерического надрыва при оценке реальной ситуации, так свойственного всем гуманистическим психологам. Насколько наше общество нуждается в духовно свободных людях надо спросить у тех философов, которых в 20-е годы отправили на корабле на Запад (и им ещё повезло), или у тех тысяч и тысяч креативных личностей, которые, к счастью, уже «не здесь», где, как выясняется при чтении литературы, их так не хватает. Российские креаты, а их в России рождается ничуть не меньше, чем в любой другой стране, с успехом преподают и творят в университетах США, Англии, Израиля, Западной Европы. И слава Богу. «Угораздил же чёрт родиться в России с умом и талантом», – сетовал А. С. Пушкин.

Ничего не изменилось. И не нужно думать, что если наука срочно не скажет своё золотое слово – всё кончится, всё погибнет. Ничего подобного. Никому мы не нужны со своими знаниями. Ни две тысячи лет тому назад, ни сейчас, ни ещё через две тысячи лет. Сократ для Мелитов всегда «попусту усердствует, испытывая то, что под землёю, да и то, что в небесах, выдавая ложь за правду и других научая тому же...»¹⁹

Мы очень долго верили в уникальность собственной разумности. *Cogito ergo sum* (мыслю, следовательно, существую). Последними «нехорошими» людьми, которые разбили и эту веру, отказавшись от идеи «чистого разума» и доказав, что большая часть психической деятельности обусловлена биологическими влечениями и протекает за пределами сознания, были Зигмунд Фрейд и Карл Густав Юнг.

Фрейд и Юнг – два бесстрашных капитана – совершили кругосветное путешествие вокруг мозга, вернее сказать, сквозь мозг. Они начали с биологических основ индивидуальной психики – влечений (Фрейд), прошли её насквозь и вышли с другой стороны на её биологическую же коллективную основу – архетипы (Юнг).

Кризис человеческого самопознания, о котором открыто заговорили сейчас многие философы и психологи, а более проницательные сумели предчувствовать его ещё в конце семнадцатого века²⁰, есть следствие именно этого «путешествия» в глубины психики.

Никто не спорит, что психика человека не познана полностью. Но та особая эйфория её избранности, эйфория безграничных возможностей человеческой психики, характерная для мыслителей античности, эпохи Возрождения, сменилась настоящим шоком возможной *конечности познания человеческого разума* и возможной *познавательной конечности человеческого разума*. Человек больше не представляется нам уникальным и непознаваемым микрокосмосом, который может вместить в себе Вселенную. Человек конечен и ограничен, а следовательно, познаваем.

Три плоскости изучения человеческой психики (индивидуальное сознание, индивидуальное бессознательное и коллективное бессознательное) обозначены, и уже многим понятно, что в психике ничего кроме этого и нет. Идея избранности, инакости, особенно человека, согревающая на протяжении тысячелетий сердца миллиардов людей на Земле, рушится на наших глазах. Оказалось, что человека можно изучать точно так же, как пчелу или лягушку. Человек познаваем. Психика человека познаваема. Компьютер обыграл человека в шахматы.

---

¹⁸ Грановская Р. М., Крижанская Ю. С. Творчество и преодоление стереотипов. – СПб., 1994. – С. 48.

¹⁹ Из обвинительной речи Мелита в Афинах во время суда над Сократом.

²⁰ Душа не находит в себе никакого удовлетворения. Всякий взгляд внутрь себя приносит ей огорчение. Это принуждает её искать утешение вне себя, привязывает к предметам внешним, чтобы всячески изгладить мысль о своём действительном положении (Блез Паскаль).

Три этих взаимосвязанных плоскости составляют личность, и более в ней нет ничего. Наше индивидуальное сознание организует жизнедеятельность таким образом, чтобы обеспечить удовлетворение наших насущных потребностей в условиях окружающей действительности. Для этого оно использует модели поведения, выработанные в процессе индивидуальной жизни и хранящиеся в индивидуальном бессознательном. Врождённое коллективное бессознательное, независимое от индивидуального опыта, незаметно для нас организует всё наше восприятие, мышление и поведение так же, как врождённая модель гнезда организует индивидуальное гнездостроительное поведение птицы. Палочки и веточки, мох и пух для постройки гнезда птица берёт из окружающей среды, но складывает их в единое целое по той модели, которая изначально уже заложена в структуре её психики.

Именно в этих трёх составляющих человеческой психики мы попытаемся найти причины усиления авитальной активности. Какая насущная потребность просыпается в глубинах мозга, если она побуждает нас таким образом организовывать бытие, чтобы максимально быстро прекратить собственное существование (самоубийство) или существенно нарушить его и поставить под угрозу преждевременного прекращения (хроническое самоотравление психоактивными веществами)?

Процесс развития науки (который часто сравнивают с захватом многоэтажного дома, когда часть учёных совершает прорыв на следующий этаж, а часть последовательно занимает комнаты уже захваченных этажей) привёл к неприятному осознанию, что мы уже забрались на самую крышу и дальше двигаться некуда. Как пишет Роберт Антон Уилсон в своей работе, посвящённой квантовой психологии, «в нашем столетии человеческая нервная система обнаружила и свой созидательный потенциал, и свои собственные границы»²¹.

Выше индивидуального сознания – только мёртвая материя, фиксирующая следы нашей психической деятельности, например лист папируса или бумаги. Ниже – биологическая, хоть и живая, но бездушная материя, фиксирующая и передающая следы, на основании которых строится всё функционирование нашей психики. Поломка самой незначительной «платы» в этой системе – и от нашей гордости самосознания не останется и следа.

При переходе на молекулярный, субмолекулярный и субатомный уровни исследование психических и личностных особенностей утрачивает смысл: там нет нашей психики. Урна с пеплом мозга Эйнштейна поможет нам понять законы функционирования психики не больше, чем урна с пеплом мозга олигофрена. «Более глубокие слои души утрачивают свою индивидуальную неповторимость, по мере того как всё дальше и дальше отступают во мрак. Опускаясь всё ниже и приближаясь к уровню автономно функционирующих систем, они приобретают всё более коллективный и универсальный характер, пока окончательно не угасают в материальности тела, то есть в химических субстанциях... Следовательно, «на самом дне» душа суть просто «Вселенная»²² – этот факт хорошо понял ещё в начале двадцатого века Юнг. Не удивительно, что в последнее время исследования законов человеческой психики и исследования законов Вселенной так тесно переплелись между собой.

Поднимающийся по лестнице самопознания человек увидел небо, в котором его нет. Опускающийся в глубины самопознания человек увидел землю, в которой его тоже нет. Между небом и землей существует человек, до которого нет никакого дела ни небу ни земле. Ужас заброшенности, ужас оставленности парализует душу человека.

Это доминирующее ощущение покинутости, одиночества, лежащее в основе и питающее собой любую религию – следствие познавательного тупика, в котором оказалось чело-

---

²¹ Уилсон Р. А. Квантовая психология. – М., 1999. – С. 51.

²² Яффе А. Символизм в изобразительном искусстве // Человек и его символы. – СПб., 1996. – С. 361.

вечество на сегодняшний день. В поэзии Иосифа Бродского мне всегда слышался очень тонкий, едва уловимый лейтмотив – не так давно мне стало казаться, что я его понял: Бродский завидует вещам.

Итак, наука подвергла человека трём страшным унижениям: она лишила его геоцентрической иллюзии с помощью открытий Коперника, она лишила его Бога с помощью эволюционной теории Дарвина и она лишила его сознания с помощью теории Фрейда. Уже много раз повязка была сорвана с глаз Человека, но вновь и вновь он надевает её. И теперь на этой повязке гуманистическая психология выводит новые красивые слова: Развитие Личности, Духовное Совершенствование, Творческая Жизнь.

Мы продолжаем верить, что человек – единственное существо на Земле, имеющее возможность бесконечного развития и творческого самосовершенствования. В соответствии с этой верой мы пытаемся максимально использовать все свои возможности для продления нашей жизни и развития своих детей.

Психологи и психиатры хорошо знают, что происходит с теми детьми, которых в погоне за спортивными достижениями родители и тренеры, так сказать, «развивают», не думая о последствиях. На рубеже третьего тысячелетия любопытное человечество заинтересовалось развитием мозгов, презрев древнюю мудрую заповедь Экклезиаста: «Умножая знания, ты умножаешь страдания». Неужели на Земле мало страданий?»

В этой связи в психологии и педагогике за последние десятилетия возникло новое уникальное направление: психология креативности (творческой активности). Две проблемы интересуют в настоящий момент психологов, разрабатывающих данное направление: собственно проблема креативности и проблема усиления и продления креативности у большинства людей. Разрабатываются различные методики развития креативности у детей, усиления творческих способностей в зрелом и пожилом возрасте. Описываются и изучаются отдельные редкие индивиды, отличающиеся по ряду параметров от основной популяции. Эти индивиды (креативные личности) обладают определённым набором психологических характеристик, которые они где-то (то ли по наследству, то ли в школу специальную ходили) получили и вечно придумывают что-то новое, всегда идут своим путём, не могут усидеть на одном месте. Поль Торренс – основоположник психологии креативности писал, что «креативность – это значит копать глубже, смотреть лучше, исправлять ошибки, беседовать с кошкой, нырять в глубину, проходить сквозь стены, зажигать солнце, строить замок на песке, приветствовать будущее»²³.

Но не это интересует большинство людей. Никто не станет выкладывать деньги, чтобы научить дочь разговаривать с кошкой, а сына – строить замок на песке. Креативностью интересуются постольку, поскольку на креативности стало возможно делать деньги. Ведь эти отдельно взятые личности периодически что-то там открывают, и на этом можно делать бизнес.

«Ага!» – думают психологи и целыми школами и научными направлениями проблему эту, то есть креативность, изучают, а на базе изученного пытаются разработать различные комплексы мероприятий, как эту креативность в детстве прививать – «развивающее обучение» называется.

Всё это имеет столько же шансов на успех, сколько попытка с детства воспитать из девочки мальчика или из мальчика девочку. То есть не то чтобы ничего не получилось, но просто то, что получится, глаз отнюдь не радуется, само по себе вызывает сожаление, а иногда ещё и требует специальной психологической и психотерапевтической помощи. Попытайтесь сделать из нормального ребёнка креативную личность – получите невротика, алкого-

---

²³ *Краткий тест творческого мышления. Фигурная форма.* – М., 1995. – С. 3.

лика, наркомана или суицидента. Попробуйте сделать из креативного ребёнка нормальную личность – получите то же самое.

Только тот факт, что на креативности можно стало делать деньги, стимулирует многочисленные псевдонаучные исследования и рекомендации по развитию этого качества.

Соотношение нормальных и креативных личностей, существующее в популяции, – естественным образом сбалансированный процесс, не требующий и не допускающий каких-либо посторонних вмешательств. Интенсивные попытки стимуляции психической деятельности, предпринимаемые уже не только в детском и подростковом возрасте, но и в зрелом и пожилом, вызывают самые большие опасения. Нельзя рассматривать креативную личность как образец абсолютной нормы, как максимальное проявление человеческой сущности, как полную актуализацию личности, как вершину человеческого рода. И уж тем более нельзя искусственно переносить законы психологического функционирования креативной личности на нормального ребёнка и заставлять его «функционировать» в несвойственной ему манере.

Например, если рост в основной популяции составляет в среднем 160—170 см, то какой-то процент обязательно выходит по этому показателю за пределы нормы. Есть люди, рост которых составляет 200 и более сантиметров. Такие люди не представляют собой патологии. Они являются отклонением. И никому не нужно доказывать, что им в чём-то сложнее адаптироваться к окружающей среде. Что произойдёт, если мы начнём рассматривать людей с двухметровым ростом как «полностью выросших», а всех остальных как «неполноценных» или «не полностью актуализированных»?

Равным образом, есть креативные личности, активность и пластичность психических процессов которых продолжает оставаться на относительно высоком уровне (по сравнению с общей популяцией) дольше, чем в норме. Это отклонение. Таким людям также в чём-то сложнее адаптироваться к окружающей среде, поскольку мир, который их окружает, – это не их мир, это не мир, который рассчитан на них, – это мир нормальных людей, мир, адаптированный к особенностям социального и психологического функционирования нормальных людей, мир, живущий по нормальным законам, мир с нормальными ценностями и интересами.

Глупо, как каждый понимает, пытаться разработать методики, которые позволили бы основной массе населения увеличить свой рост, хотя теоретически это, вероятно, возможно. Для баскетбольных команд стараются отобрать людей с естественно высоким ростом, а не вытягивают подростков на специальных станках.

Однако задумаемся, что же происходит в психологии в целом и в педагогике в частности по отношению к проблеме креативности? Чем, если не «вытягиванием за уши», можно назвать знаменитое «развивающее обучение»? Родители согласны платить огромные деньги, лишь бы погрузить своего ребёнка в систему максимального информационного нагнетания, лишь бы втиснуть в ребёнка всю мыслимую и немыслимую информацию, совершенно не учитывая его индивидуальные особенности. Это напоминает насилие.

У Роджерса (при всём моём неприятии гуманистической психологии) есть хорошее сравнение: «фермер не может заставить росток развиваться и прорасти из семени, он только может создать такие условия для его роста, которые позволят семени проявить свои собственные скрытые возможности. Так же обстоит дело и с творчеством»²⁴. Это хорошее напоминание тем педагогам, которые считают, что креативность – это та волшебная жидкость, которой они поливают детей и которая обладает магической способностью из каждой «землянички» вырастить «клубничку». Ещё Гельвеций по этому поводу говорил, что

---

²⁴ Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М., 1994. – С. 61.

посредством воспитания можно заставить плясать медведей, но нельзя создать гениального человека.

Педагогам бы решить проблему, как не тормозить психическое развитие ребёнка и подростка, чтобы не выступать в роли психических компрачиков, а уж кому и на сколько дано вырасти духовно и интеллектуально, природа решит сама. Не нужно её подправлять. Как писал основоположник гештальттерапии Фредерик Пёрлз: «Не нужно толкать реку, пусть она течёт сама»²⁵. Ведь всё, что требуется от родителей, воспитателей и учителей, это обеспечить свободный доступ ребёнка к информационному потоку в широком смысле этого слова, и он впитает в себя ровно столько, сколько позволят ему его собственные потенции. Он будет аутентичен. Он будет самоактуализирован, если угодно. Если исключить грубые случаи с сенсорной депривацией, ребёнок, воспитывающийся в естественной среде, без внешнего вмешательства сумеет компенсировать возникший информационный голод.

Не страшно, если ребёнку кто-то что-то «не додаст». Образующийся вакуум будет заполнен естественным путём китайским языком, интегральными вычислениями, анатомированием лягушек и тому подобными, с нормальной точки зрения, «странными» материями.

Страшно в данной ситуации другое. Страшно, если в ограниченную форму попытаться вложить большее содержание, чем она может вместить. Психика ребёнка и подростка чрезвычайно пластична. До поры до времени она стерпит всё, но рано или поздно неминуемо ответит целым залпом психосоматических нарушений, неврозов, аддиктивным и суицидальным поведением.

Креативность – как мне кажется, это не особое свойство мозга, а одна из основных задач психики – способность центральной нервной системы создавать (creation – от лат. создавать, творить) субъективную модель мира с помощью сенсорных, мнестических, когнитивных и аффективных систем в целях максимально гибкой адаптации индивида к окружающей среде.

В большинстве работ, посвящённых проблеме креативности, содержатся указания на особые свойства креативной психической деятельности, на особый способ восприятия и преломления объективной реальности, особенность личностного функционирования, связанного со способностью глубже мыслить, глубже вникать, глубже смотреть, гибче действовать.

Психическая деятельность ребёнка, познающего окружающий мир, носит креативный характер, но мы не всегда назовём её творческой. Деятельность ребёнка, изобретающего с товарищами новую игру, первые детские рисунки, самостоятельно сделанный домик из кубиков – мы уже можем назвать творчеством (детским творчеством), потому что в этом случае мы имеем перед собой оригинальный результат креативной и творческой деятельности, совпадающих в этом случае по смысловому содержанию. Практически всегда, говоря о творческой деятельности, мы подразумеваем и определённый продукт этой деятельности, будь то рисунок, стихотворение или самостоятельная идея. При этом в русском языке принято также и продукты творчества называть «творчеством». То есть данный термин выходит за пределы сферы личности и переходит на результаты деятельности личности.

В отношении термина «креативность» подобный переход невозможен. В термине «творческий» имеется более определительный, нежели содержательный смысл, который можно было бы выразить при переводе термина «creativity» на русский язык как «творчество». Когда мы говорим о креативности, мы имеем в виду процесс субъективного познания индивидом феноменальной и смысловой сущности окружающего мира, объективной реальности. Речь не идёт о создании зримого, вещественного, материального продукта. Резуль-

---

²⁵ Пёрлз Ф. С. Внутри и вне помойного ведра /Пер. с англ. – СПб., 1995. – С. 25.

татом креативного процесса является само формирование личности, создание уникального микрокосмоса – человеческой индивидуальной психики.

Процесс этот зависит как от биологических, так и от социальных факторов. К биологическим факторам формирования субъективной психической деятельности относятся наследственно обусловленное морфологическое устройство головного мозга, включая нейронную организацию коры головного мозга, подкорковые системы, ствольные структуры, сложнейшую систему коллатеральных взаимосвязей как между нервными клетками, так и между отделами головного мозга.

При грубых дефектах строения мозга у человека в первую очередь нарушается способность воспринимать и усваивать тонкие феномены и смысловые связи между ними. Это находит своё отражение в неспособности адекватного усвоения понятийной системы, сложных поведенческих навыков, аффективной грубости. У олигофрена страдает не только интеллект и мышление, но и вся система взаимообмена информацией с окружающей средой – эмоции, тонкая моторика, память.

Чем более сложную морфологическую структуру имеет головной мозг, тем более тонкую и сложную когнитивную сетку может «накинуть» индивид на окружающую среду, в которую он погружается после рождения, тем более мелкие феномены он способен вычленивать из «сенсорного шума» и сенсорного хаоса, тем более тонкие связи он устанавливает между феноменами. Этот закон применим как для филогенеза, так и для дифференциации человеческих индивидуальностей.

Известный российский психиатр Ушаков писал, что «элементы, общие для разума человека и животных, не только доказывают историческую преемственность, единство филогенеза механизмов психики, но и раскрывают те особенности её, которые наиболее полно обусловлены свойствами генетической матрицы... Биологическая, физико-химическая матрица, на основе которой формируется психика, наследуется по общим законам... и пространственно временные параметры объектов и обстоятельств окружающего мира принципиально однотипно (у человека и животных) трансформируются в физико-химические матрицы, которые в свою очередь становятся основой формирования как субъективного образа (разной сложности – подчёркивает Ушаков), так и отношения особи к самим таким объектам и обстоятельствам»²⁶.

Если нет морфологической базы – никакое обучение не исправит положения. Можно сто раз объяснять олигофрену, что птица отличается от самолёта тем, что птица – живая, а самолёт – нет, и трамвай от лошади – тем же, но спросите его после этого, чем отличается слон от машины, он в сотый раз начнёт вам отвечать, что у машины есть руль, а у слона нет, что у машины четыре колеса, а у слона – четыре ноги...

Почему это происходит? Потому что понятие «живое» – абстрактное, тонкое, нежное, гибкое, «жидкое». Слон – вот он, руль – вот он, машина – вот она, а попробуйте дать определение понятию «живое». Олигофрен не способен удержать столь сложное понятие в крупноячейной когнитивной матрице или когнитивной сетке, которую способен создать его дефектный мозг. В этом отношении всегда жалко учителей: на 90 процентов их работа заключается в том, что они льют воду в решето, поскольку, как мы понимаем, не существует принципиального деления: вот мы – нормальные и вот они – олигофрены. Существует стандартное колоколообразное распределение особей в популяции, характерное для любого признака, в том числе и для феномена структурности когнитивной сетки, с постепенным переходом от людей с очень крупноячейным мышлением (владеющих десятью – двадцатью понятиями типа «дай», «хочу», «ням-ням») до людей с очень мелкоячейным мышлением (не только владеющих десятками тысяч понятий, но и которые ещё и страдают от недостатка

---

²⁶ Ушаков Г. К. Этология и персонология //Сб. трудов XIX – XX. – Тбилиси, 1974. – С. 89—92.

имеющихся понятий и которые постоянно убеждаются, что тот мир, который они видят, то есть который позволяет им видеть их мелкаячейстая когнитивная сетка, не укладывается, как в прокрустово ложе, в те слишком грубые понятия, которыми пользуется большинство людей). Может быть, поэтому музыка и поэзия всегда считались вершиной среди всех искусств. Ведь в поэзии, как и в музыке, самое главное не в словах, а за словами, в тех отдалённых невыразимых вторичных и третичных ассоциациях, которые рождаются при исполнении поэтического произведения.

Ломброзо находил основное физиологическое отличие гениального человека от обыкновенного в утончённой и почти болезненной впечатлительности первого. «По мере развития умственных способностей впечатлительность растёт и достигает наибольшей силы в гениальных личностях, – писал он, – являясь источником их страданий и славы. Эти избранные натуры более чувствительны в количественном и качественном отношении, чем простые смертные... Мелочи, случайные обстоятельства, подробности, незаметные для обыкновенного человека, глубоко западают им в душу и перерабатываются на тысячи ладов, чтобы воспроизвести то, что обыкновенно называют творчеством, хотя это только бинарные и кватернарные комбинации ощущений»²⁷.

Тонкость структурной организации головного мозга, тонкость и сложность когнитивной сетки – это только один из биологических факторов. Какую бы мелкую сеть мы не опустили в воду, мы ничего не поймем, если не будем прилагать ещё и энергичные усилия, если мы не будем тащить эту сеть. Поэтому второй биологический фактор – это энергетический фактор, или активность мозговых процессов, или активность психической деятельности. Обобщая имеющиеся по этому вопросу данные, Лейтес сформулировал положение о том, что «свойства нервной системы имеют отношение к общей психической активности человека, связанной с энергетическими характеристиками его деятельности»²⁸.

В тех случаях – когда мы имеем перед собой сочетание повышенной мозговой активности и врождённую филигранность структурной организации мозгового вещества, когнитивной сетки – мы имеем право ожидать возникновения феномена креативной личности.

Одна только энергия, равно как одно только хорошее устройство головного мозга, ничего не даёт. При отсутствии хорошо организованной когнитивной матрицы (ещё в начале века физиологи поняли тормозящую роль коры) вся психическая энергия будет выплёскиваться лишь в недифференцированных, грубых, brutальных эмоциях и мы будем иметь перед собой возбудимого олигофрена, или психопата или несчастного «деревенского философа», всю жизнь посвятившего изобретению вечного двигателя, нового способа улучшения жизни всего человечества путём использования новой солонки, новый способ «разубеждения бреда» и т. п.

Однако мы забыли про социальный фактор. Оказывает ли социальная среда какое-либо влияние на формирование креативной личности? Несомненно, да. Как социальная среда наполняет и формирует основу личности вообще, так же она формирует и наполняет основу креативной личности. Другое дело, что креативная личность в результате и в процессе своего более длительного формирования перерастает возможности окружающей среды. Если примитивная личность усваивает ту часть социальной системы, которая необходима ей для более или менее успешной социальной адаптации и в значительной степени равна этой системе или меньше её, то креативная личность (в силу того, что потребность в информационном поглощении у неё значительно превышает те возможности, которые может предоставить общество в готовом виде, так сказать, в виде полуфабрикатов) в определённый момент

---

²⁷ Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. – М., 1995. – С. 26.

²⁸ Лейтес Н. С. К вопросу о динамической стороне психической активности // Проблемы дифференциальной психофизиологии. – М., 1977. – С. 164–179.

перерастает любое общество и оказывается неожиданно для себя вне общества – на границе между спокойной информационно-бедной известностью и непознанным хаосом мира, на границе «terra incognita».

Креативная личность вырастает не в инкубаторе и не на необитаемом острове, и поэтому ничто человеческое ей не чуждо, но жажда нового, другой мир, мир, который не видят и не хотят видеть большинство людей, манит её – и ничто человеческое ей не интересно. Характерный признак одарённости, по мнению Мясищева, заключается именно в «опережении человеком предъявляемых к нему требований непосредственной узкой среды»²⁹. Рано или поздно любая креативная личность остаётся вне общества.

Между креативной деятельностью ребёнка и креативной деятельностью креативной личности нет никаких принципиальных различий. И в том и в другом случае речь идёт о познании, то есть о поглощении, интериоризации, упорядочивании, структуризации объективной реальности в субъективном мире. В результате этой деятельности у ребёнка возникают навыки, развивается речь, накапливается индивидуальный опыт, но этот опыт имеет социальную природу. Ребёнок учится ходить, но он ходит, как все; ребёнок учится говорить, но он говорит на том же языке, что и окружающие; ребёнок учится думать, но и думает он так же, как и прочие. На все эти процессы тратится гигантское количество энергии, и она у ребёнка есть. Но, чтобы научиться видеть не как все, думать не как все, говорить не как все, необходимо ещё большее количество энергии, с одной стороны, и время – с другой. Никто ещё не стал великим поэтом, не научившись перед этим просто говорить, «не проговорив в своей поэзии поэзию других», никто не стал великим учёным, не научившись просто анализировать факты так, как это делали тысячи людей до него. И только вмести в себе всё это, если только у человека ещё остались силы, он начинает говорить *своим* языком и оставляет *свой* вклад в живописи, поэзии, литературе, музыке, науке. Человек расширяет в своей креативной деятельности сферу познанного мира, он стоит на границе познания и, глядя в неизведанное, в ничто, как маленький ребёнок, рисует на бумаге нечто лишь отдалённо напоминающее реальное лицо или лошадку, так и креативная личность рисует в своём творчестве отдалённое подобие того, что никто и никогда ещё не видел. Он рисует мир. Те, кто придут вслед за ним, усовершенствуют его рисунок. Таким образом я понимаю феномен креативности и креативной деятельности.

Количество верований, искренних заблуждений и иллюзий, с которыми мы на каждом шагу сталкиваемся (как мы могли выше убедиться), настолько велико, что я считаю необходимым перед тем, как перейти к рассуждениям по проблеме авитальной активности, обозначить, стараясь быть максимально точным: что я могу с достаточной долей уверенности утверждать? что я вижу?

1. Я вижу, что существует мир

То есть я *допускаю*, что мой субъективный образ мира является схемой объективно существующей реальности. При этом я мыслю себя частью мира и, независимо от своей воли, подчиняюсь его законам. Мой образ мира зависит от свойств мира, свойств моего мозга и направленности моего ассимиляционного процесса³⁰.

Я переживаю своё бытие относительно бытия окружающего мира, правда, я не знаю наверняка, а лишь допускаю его объективность и независимость от меня. Я могу также, придерживаясь субъективно-идеалистических или солипсических позиций, допустить, что «внешний» мир является порождением моей психики, но не могу доказать истинность ни

---

²⁹ Мясищев В. Н. Психология отношений. – Воронеж, 1995. – С. 321.

³⁰ Более подробно об этом см.: Вагин Ю. Р. Креативные и примитивные. Основы онтогенетической персонологии и психопатологии. – Пермь, 1996. – 208 с.

того ни другого допущения. Мне удобнее и проще жить, допуская объективность внешней реальности – это все, что я могу с достаточной долей уверенности сказать. Другой человек, поскольку я уже допустил его независимое от меня существование, может переживать своё и моё бытие по-другому, если ему так удобнее.

2. Я вижу, что мир закономерен.

Мир, который я воспринимаю, закономерен. Вернее, я воспринимаю лишь его закономерную часть. Я могу допустить существование мира, в котором отсутствует закономерность, но я его не воспринимаю. Всё, воспринимаемое мною в мире, взаимосвязано и в большей или меньшей степени предопределено. Поэтому я допускаю, что закономерность и предопределённость – внутреннее свойство мира. Я могу допустить существование управляющей и предопределяющей силы вне мира, как это делают другие люди, но мне удобнее и проще этого не делать. На вопрос: «Есть Бог или нет?» – я не могу дать ответ, но, спрашивая себя: «Зачем мне Бог?», я могу ответить в соответствии с моим настоящим состоянием: «Для понимания мира в целом и себя как части мира мне Бог не нужен». Я вижу идею Бога в субъективных схемах реальности других людей, и эта идея полезна мне для объяснения их поведения, но для понимания мира идея Бога даёт мне не больше, чем идея закономерности мира. При этом я вполне допускаю, что в процессе старения, когда моя же психическая активность снизится настолько, что я не смогу понимать и принимать мир так, как сейчас, мне понадобится идея Бога. Но тогда всего того, что я понимаю сейчас, я уже не буду понимать.

3. Я вижу, что мир структурирован и энергетичен.

Мир, который я воспринимаю, не однороден. Поскольку я *воспринимаю* мир, я воспринимаю его как структуру, как фигуру, как гештальт, как конечное разнообразие. Неструктурированный мир не доступен моему восприятию.

Структурность мира, очевидно, связана с его энергетичностью. Я вижу, что изменение структуры мира связано с изменением энергии, а изменение энергии связано с изменением структуры (пар – вода – лёд). Чем сложнее структура мира, тем меньше энергии остаётся в свободном состоянии. Каждая структура связывает и несёт в себе энергию. Распад структуры приводит к освобождению энергии так же, как распад ядра атома приводит к освобождению энергии, которая, изменяя в свою очередь структуру пространства вокруг, постепенно переходит в связанное состояние. Избыток свободной энергии приводит к процессу структурообразования. Недостаток – к распаду структуры и высвобождению энергии.

4. Я вижу, что мир флюктуирует.

Процессы перемещения энергии, структурообразования и структурораспада подвержены *флюктуации*, то есть периодическому колебанию.

Специалисты по макромиру полагают, что мы живём в галактике, образовавшейся путём взрыва (то есть скачкообразного перехода) некоей высокоструктурированной материи, чьи исчерпавшиеся возможности не смогли сдержать энергию, и она вырвалась наружу, приведя к образованию новых форм материи (частью которых является и наша солнечная система, и наша планета, и все мы). Расширяясь, галактика теряет свободную энергию и увеличивает свою структурность. Высказывается вполне разумное предположение, что по прошествии некоего времени Солнце, исчерпав свои возможности, погаснет. Если мы не научимся к тому времени каким-то образом компенсировать недостаток солнечной энергии, жизнь на Земле прекратится.

Процессы переструктурирования при изменении количества энергии закономерны. Они подчиняются внутренней логике бытия, они имманентны бытию, они периодичны. Мир, который я воспринимаю, флюктуирует и пульсирует. Он сворачивается и разворачивается, расширяется и сужается, увеличивается и уменьшается.

5. Я вижу жизнь, или витальную активность.

Я вижу жизнь как часть мира. Она закономерна. Она структурна и энергетична. Она флюктуирует – её интенсивность периодически колеблется. Я предполагаю, что жизнь – одна из форм флюктуации бытия, приводящая к временному увеличению структурной организации материи и уменьшению количества свободной энергии. Я предполагаю, что смерть – другая сторона этой флюктуации, в процессе которой происходит деструктуризация и освобождение связанной ранее в живой структуре энергии. Биологическая жизнь является одной из форм организации мира, который возникает при комплексе условий, включающих в себя определённый уровень свободной энергии и предполагающих наличие определённых химических элементов. Жизнь и существует для связи свободной энергии и уменьшения напряжения в локальном участке мира. В этом её цель и смысл.

Если бы бытие обладало чувствительностью и эмоциями, если бы космос был одушевлённым (как его воспринимали древние греки), усиление напряжения в его локальном участке, несомненно, сопровождалось бы чувством недовольства, боли и стремлением избавиться от этого напряжения. И мы, на самом деле, видим, что мир ведёт себя именно подобным образом: бытие постоянно создаёт и разрушает структуры, связывая и отдавая свободную энергию. Живое – одна из таких структур.

Бытие, самопорождающее жизнь, каждый раз, возможно, испытывает такое же облегчение, как и мать, разрешившаяся от бремени. Сама новорожденная жизнь в процессе самоструктурирования испытывает мощное чувство напряжения и недовольства из-за собственной нестабильности и гигантской разницы потенциалов, которая неминуемым образом притягивает к структурообразующему центру жизни (молекуле ДНК) огромное количество вещества. Два генетических носителя (яйцеклетка и сперматозоид), соединившись вместе, начинают действовать как настоящая чёрная дыра, которая засасывает в себя, как смерч, гигантское количество вещества из окружающего мира вплоть до того момента, пока разница потенциалов не выравняется и сформированная система не начнёт постепенно распадаться. Завершение самоструктурирования – это и есть, по большому счёту, смерть системы.

Наблюдая мир вокруг себя, над собой, внутри себя, я наблюдаю бесконечный процесс образования и распада структур. Наша жизнь и смерть – разновидности общего мирового закона, в соответствии с которым материя структурируется и деструктурируется, создается и разрушается, соединяется и распадается.

С самого момента зачатия, когда два комочка вещества, которые мы называем половыми клетками, соединяются друг с другом, помимо нашего субъективного желания, мы влекомы к смерти, к максимально уравновешенному состоянию. В процессе этого движения к смерти внутри нас периодически создаётся напряжение, побуждающее нас к созданию условий для соединения половых клеток и продолжения жизни после нашей смерти. Эти соединившиеся половые клетки мы часто справедливо называем смыслом нашей жизни.

Когда природа создавала нас и вкладывала программу жизнеобеспечения, она позаботилась лишь о том, чтобы установить постоянную «разницу напряжения» между чувством удовольствия и чувством недовольства. Мы стремимся к снижению напряжения и удовольствию и всеми силами бежим от усиления напряжения и недовольства. Этот закон Фрейд положил в основу психоаналитической теории.

Самоструктуризация и порождение новой жизни – смысл жизни. Удовольствие, сопровождающее движение от жизни к смерти, – единственная награда за страдания, которые мы испытываем на этом пути.

Но Создатель явно не учёл сообразительности своего создания. Он, очевидно, рассчитывал, что человек будет мужественно преодолевать все тяготы жизни: «плодиться и размножаться, наполнять Землю и овладевать ею, владычествовать над рыбами морскими и птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле». Ничего подобного. Стоило Создателю ненадолго отлучиться – человек нашёл и скушал запретное яблоко. Нака-

зание в виде ссылки на Землю не помогло – человек тут же нашёл виноградник и научился делать из него вино. Даже в холодной и дождливой Британии около стен старинного здания времён римской империи были найдены остатки виноградной лозы того времени. Даже там пытались выращивать виноград. Господь явно давно уже, глядя на всё это безобразие, «умыл руки», предоставив нас самим себе.

Есть некоторые основания подозревать, что если Господь в ближайшее время не вернётся и не наведёт порядок в своём хозяйстве, у Него есть все шансы по возвращении обнаружить спившихся Адама с Евой, которые повесились на той самой яблоне, с плода которой всё и началось.

Глава 2

Витальная активность подростков

Подготовив несколько теоретическую базу, мы переходим к проблемам динамики витальной активности подростков и возможным путям её отклонения. Поскольку понятие отклоняющегося (девиантного) поведения тесно связано с понятием нормы, возникает вопрос, что считать нормой. Специалист по подростковым пограничным состояниям Ганнушкин ещё в начале двадцатого века писал, что та промежуточная полоса, которая отделяет душевное здоровье от душевной болезни и которая в то же самое время и соединяет друг с другом эти две формы человеческого существования, оказывается необычайно широкой, а две границы, которые отделяют её – одна от здоровья, другая от болезни, оказываются крайне неустойчивыми и крайне неопределёнными.

В биологии всех людей принято делить на две группы: большинство, обладающее признаками, укладывающимися в пределы нормы, и незначительное меньшинство, обладающее признаками, которые выходят за пределы нормы и рассматриваются как отклонения. Линией разграничения между «нормой» и «не нормой» принято считать так называемый 95-процентный уровень. Это означает, что все признаки, не укладывающиеся в те, которыми обладают 95 процентов особей популяции, признают отклонениями и любую особь, обладающую такими признаками, рассматривают как отклоняющуюся от нормы. Подобным образом всех людей можно разделить по массе биохимических, физиологических, психологических и поведенческих признаков, однако ещё Роджер Уильямс писал, что «эту точку зрения чаще молчаливо принимают, чем высказывают»³¹.

В нашем случае, чтобы понять отклоняющееся поведение подростков, мы должны иметь какое-то представление о том, от чего оно, собственно, отклоняется. Что такое «нормальное подростковое поведение»? Как нужно жить и развиваться подростку, чтобы «никуда не отклоняться» (особенно в сторону преждевременной биологической и социальной смерти)? Кто видел и знает ту карту, на которой изображён наш правильный жизненный путь и с помощью которой можно смело идти по жизни без риска заблудиться, угодить в болото или сорваться в пропасть? Даже странно, что учёные пытаются найти ответ на этот вопрос. Странно потому, что он кажется неразрешимым в принципе. Слишком все мы разные: мужчины и женщины; мужчины – бывшие женщины – и женщины – бывшие мужчины; чёрные, белые и жёлтые; живущие в городах и в лесной глуши; верующие в Христа, Будду, Магомета и неверующие. Что является тем внутренним ядром, или стержнем, который объединяет всех представителей человеческого рода вне зависимости от их расовых, половых, культурных, социальных и психологических особенностей?

В психологии и педагогике традиционно принято рассматривать психоаналитическую теорию Фрейда как одну из самых ранних теорий, объясняющих социальное и личностное развитие ребёнка и подростка. Это не совсем верно, поскольку динамическая теория личности Фрейда в первую очередь подразумевала не столько личностную жизненную динамику, сколько внутриличностные процессы между подструктурами Ид, Эго и Суперэго. Фрейд полагал, что становление личности определяется первыми пятью годами жизни, и практически не уделял внимания личностным изменениям в период зрелости и в дальнейшем. В какой-то мере, благодаря этому заблуждению Фрейда, в исследованиях онтогенетической динамики личностного бытия до сих пор существует грубая диспропорция. С одной

---

³¹ Уильямс Р. Биохимическая индивидуальность /Пер. с англ. – М., 1960. – С. 112.

стороны, социальная психология, возрастная психология, психология развития, психоанализ предоставляют нам блестящие образцы исследований этапов личностного онтогенеза в раннем детстве и подростковом возрасте, но, с другой стороны, исследования, посвящённые личностному онтогенезу в зрелом возрасте, а также особенностям функционирования личности в поздние периоды онтогенеза исчисляются единицами. Для примера, в одном из основных американских руководств по психологии социальному и личностному развитию ребёнка и подростка отводится пятнадцать страниц, а всем личностным трансформациям зрелого и пожилого возраста вместе взятым – три страницы³². Точно так же Эрик Берн, говоря о росте индивида, личностному развитию ребёнка и подростка отводит тридцать страниц, а особенностям личностных трансформаций взрослых и пожилых людей – две страницы³³. И это общая тенденция. В пособии по истории психологии для высшей школы вопросам личностных трансформаций зрелого и пожилого возраста не уделяется вообще ни строчки, а о фундаментальных исследованиях Эриксона и Левинсона даже не упоминается³⁴.

Фрейд не был, конечно, и первым исследователем, обратившим внимание на трансформацию личности в процессе онтогенеза. Он был одним из первых, кто подошёл к этой проблеме с научной точки зрения, постарался не только описать наблюдаемые феномены, но и попытался найти теоретическое объяснение им, постоянно проверяя в своей практической деятельности правомочность выдвигаемых им гипотез.

Динамические аспекты личности изучались первоначально не столько психологами, сколько философами. Что и не удивительно, если рассматривать философию как предтечу не только психологии, но науки в целом.

В плане динамики личностного бытия в первую очередь можно вспомнить знаменитый заочный спор между Локком и Лейбницем по поводу природы зарождения психики в процессе индивидуального онтогенеза. В XVIII веке ими были высказаны две взаимоисключающие точки зрения на природу психики человека, и эти точки зрения до сих пор в какой-то степени оказывают своё влияние на развитие психологической и философской мысли. Локк выдвинул идею «чистой доски» (*tabula rasa*), считая, что человек рождается с готовой полипотентной центральной нервной системой, которая, как чистый лист бумаги, пассивно запечатлевает всё то, что вписывают туда родители, воспитатели и учителя. Лейбниц, напротив, полагал, что человек имеет врождённые и передающиеся по наследству задатки, которые определяют судьбу человека, с трудом трансформируясь под воздействием внешних факторов.

Особый интерес для динамического направления в психологии имеют труды датского философа Сёрена Кьеркегора. Он одним из первых поставил динамический, онтогенетический аспект человеческого существования (экзистенции) во главу своего учения. Выдвинув проблему человеческой личности и её индивидуальной судьбы после столетий теоцентрической догматики на первый план и сделав центральной в этой теме (как и греческие софисты, как и Сократ) проблему человеческой субъективности и выбора в процессе жизни, Кьеркегор по сути дела положил начало не только развитию динамического направления в персонологии, но и явился предшественником целого направления в философии – экзистенциализма.

С религиозной точки зрения жизнь человека рассматривалась в динамическом аспекте как некий подготовительный этап для последующей вечной жизни, которая по смыслу и есть конечная цель земного бытия, когда смерть, как писал К. Бальмонт, «... начало жизни, того существования неземного, перед которым наша жизнь темна, как миг тоски – пред радостью беспечной, как чёрный грех – пред детской чистотой...».

---

³² *Wortman C.B., Loftus E.F. Psychology.* – N.Y., 1988. – P. 57.

³³ Берн Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвящённых /Пер. с англ. – СПб., 1992. – С. 99–130.

³⁴ *Петровский А. В., Ярошевский М. Г. История психологии.* – М., 1994. – С. 36.

На этом фоне Кьеркегора больше интересовала динамика именно земного бытия человека, проблемы связанные с этой динамикой, и даже те вопросы к решению которых подошёл Эрик Эриксон и другие учёные только в конце XX века.

Кьеркегор описал три стадии человеческого существования: эстетическую, этическую и религиозную. Первая, эстетическая стадия существования, рассмотрением которой открывается учение Кьеркегора, – это попытка человека организовать свою жизнь, основываясь целиком на собственных силах, уме, таланте, воле и красоте. «Эстетик» как бы рассчитывает в любой ситуации оказаться выше обстоятельств и случая. Его уверенность основана на негативном отношении к реальности. Таким образом, на эстетической стадии существования человек чувствует свою силу, ценность и действительность только при условии независимости, свободы от того, как сложатся обстоятельства. Поэтому именно возможности, а не заступившая на их место фактичность, обладают эстетической значимостью. В том, как описывает Кьеркегор эстетическую стадию существования, мы легко узнаём описание подросткового периода, предшествующего периоду зрелости.

Однако Кьеркегор считает, что человек не может длительно существовать на эстетической стадии. Действительность постоянно захватывает человека (подростка) врасплох, он начинает терять власть над своей жизнью. У человека, находящегося на эстетической стадии существования, имеются только два пути: либо перейти на этическую стадию существования, в которой индивид отказывается противопоставлять себя окружающей действительности, либо выбрать самоубийство.

В «этике» Кьеркегора мы легко можем узнать нормальную социализированную зрелую личность. «Этик» видит смысл своего существования в гармонии с окружающими, в служении людям и выполнении своего долга перед людьми, он «стремится отождествить своё случайное непосредственное «Я» с «общечеловеческим». Целью истинного этика является *«не одно его личное, но и социальное и гражданское «Я»* – то, что позднее Эриксон обозначит ёмкой категорией «генеративность».

Кьеркегор удивительным образом сумел отразить только-только зарождающееся явление возрастного кризиса. Он осуждает молодых людей – «эстетиков», не желающих переходить на этическую стадию существования (не желающих взрослеть). При всех недостатках глубина прозрения Кьеркегора и точность его описаний действительной динамики личностного бытия удивительна. Кьеркегора (а не Фрейда) смело можно считать не только основоположником экзистенциальной философии, но и динамической персонологии, столь значительный пласт проблем, касающихся динамики бытия человеческой личности, затронул в своих работах этот удивительный человек, в которого при жизни мальчишки бросали камни, когда он шёл по улицам Копенгагена.

Только в конце XIX – начале XX веков к проблемам динамики личностного бытия начали подходить представители зарождающейся науки – психологии. Первые научные монографии о проблемах подросткового периода появились лишь в конце XIX века.

Огромный вклад в изучение индивидуальных динамических основ личностного бытия внёс российский ученый Борис Ананьев, который подчёркивал, что для психологии особую важность имеет вопрос о тех первичных свойствах, или особенностях, человеческой природы, взаимодействия которых определяют темперамент и задатки, мотивацию элементарных действий и их тонус, общее во всех первичных свойствах человека как индивида, заключённое в их генетической обусловленности.

Ананьев не отрицал, что жизненный путь человека – это история формирования и развития личности в определённом социуме. «Человек является современником определённой эпохи и сверстником определённого поколения. Фазы жизненного пути датируются историческими событиями и сменой способов воспитания, изменениями образа жизни и системы отношений, суммой ценностей и жизненной программой – всеми теми целями и общим

смыслом жизни, которыми данная личность владеет, – писал он, – но фазы жизненного пути накладываются (а ещё более накладывают) на возрастные стадии онтогенеза, причём в такой степени, что некоторые возрастные стадии обозначаются как фазы жизненного пути, например, преддошкольное, дошкольное и школьное детство. Практически ступени общественного воспитания, образования и обучения, составляющие совокупность подготовительных фаз жизненного пути, формирования личности стали определяющими характеристиками периодов роста и созревания индивида»³⁵.

Возражая против подобной тенденции, Ананьев предлагал выделять три группы природных свойств (конституциональные, нейродинамические и билатеральные – особенности симметрии организма), которые могли бы образовать класс первичных индивидуально-типических свойств. Для Ананьева была несомненна зависимость вторичных психических свойств от конституциональных и нейродинамических первичных свойств.

Возрастная психология сравнительно мало интересуется биологическими процессами, лежащими в основе социального развития ребёнка и подростка, хотя, конечно, и она не может обходить такие проблемы, как пубертатный кризис или физиологическая старость. Такой перекокс с признанием только социальной обусловленности развития личности (с точки зрения марксистско-ленинской психологии даже свойства темперамента «изменяемы и воспитуемы» – сетовал в своё время Мерлин³⁶) привёл к тому, что психология, открыто декларируя свою неразрывную связь с нейрофизиологией и физиологией, на самом деле воспользовалась и востребовала только структурную часть биологических исследований личности, касающуюся учения о темпераменте, конституции, типах нервной деятельности, напрочь отвергая обусловленность динамики «вершинных» психических процессов «глубинными» подводными течениями. Даже Фрейд, который в целом мало задумывался над процессом онтогенетического изменения энергетического потенциала человека, считая его чем-то раз и навсегда данным и неизменным, вызывал у советских психологов дикий ужас попытками обусловить социальную жизнь человека какими-то динамическими биологическими процессами.

Ананьев являлся, можно сказать, единственным представителем динамического направления в отечественной психологии в период запрета психоанализа, а также одним из первых, если не единственным отечественным психологом, который смело выступил против дурных теорий бесконечного развития личности. Он прямо указывал на разновременность моментов, характеризующих финал человеческой жизни. Финалом для индивида является смерть, с которой прекращается существование человека как личности. «Историческая личность и творческий деятель, оставившие потомкам выдающиеся материальные и духовные ценности, в какой-то степени обретают социальное бессмертие... Но нас в большей мере, чем бессмертие, интересует парадокс завершения человеческой жизни, – писал Ананьев. – Парадокс этот заключается в том, что во многих случаях те или другие формы человеческого существования прекращаются ещё при жизни человека как индивида, то есть их умирание наступает раньше, чем физическое одряхление от старости... Речь идёт о, так сказать, нормальном состоянии, при котором человек сам развивается в направлении растущей социальной изоляции, постепенно отказываясь от многих функций и ролей в обществе, используя своё право на социальное обеспечение. Постепенное „освобождение“ от обязанностей и связанных с ними функций приводит к соразмерному сужению объёма личностных свойств»³⁷. Одним из первых Ананьев признал нормальную личностную инволюцию и нормальное «сужение объёма личностных свойств».

---

³⁵ Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. – Л., 1969. – С. 68.

³⁶ Мерлин В. С. Очерк теории темперамента. – М., 1964. – С. 176.

³⁷ Ананьев Б. Г. Генетические и структурные взаимосвязи в развитии личности // Хрестоматия по возрастной психоло-

Ананьев предлагал назвать раздел психологии, объединяющий в себе возрастную психофизиологию и генетическую персонологию онтопсихологией. Предметом онтопсихологии, по его мнению, должны были явиться взаимосвязи между индивидуальным онтогенезом и личностным жизненным путём, взаимосвязи, которые определяют главные закономерности целостного индивидуального развития человека. «История личности и субъекта деятельности развёртывается в реальном пространстве и времени онтогенеза и в известной мере им определяется»³⁸. Ананьев в своих исследованиях пытался не только реально увязать личностное и индивидуальное бытие человека, но и, как можно заметить из его высказываний, полагал, что именно индивидуальные биологические факторы детерминируют «историю личности».

Самое большое, что могла себе позволить отечественная психология того периода, это мимолётное упоминание о том, что личностное бытие в какой-то степени зависит и от биологических факторов. «Известна враждебность значительной части советских социологов, психологов и педагогов к признанию фундаментальной роли генотипа в личностной индивидуальности»³⁹, – писал во введении к своей книге «Генетика этики и эстетики» классик отечественной генетики В. П. Эфроимсон. Его работа увидела свет лишь в 1995 году, а в 80-х автору отказали даже в депонировании монографии, сославшись на цитируемые в книге стихи запрещённого в то время Николая Гумилёва.

В. С. Мерлин в тот же период высказывал «смелую» точку зрения, что темперамент скорее всего не поддаётся воспитанию, как это считают многие советские психологи, что в этом есть некий перегиб. Другой авторитет советской психологии А. В. Запорожец лишь позволил себе заметить, что «признание детерминированности психического развития условиями жизни и воспитанием не отрицает особой логики этого развития, наличия в нём определённого самодвижения»⁴⁰.

В этих высказываниях, как можно видеть, биологический фактор полностью не отрицается, однако ясно указывается, что первично, а что вторично. Социальные факторы (условия жизни, воспитание) – детерминаторы, а онтогенезу отводится роль «определённого самодвижения».

Ананьев – одним из первых уделил основное внимание онтогенетической обусловленности личностной динамики. «Возрастные изменения в динамике жизненного цикла содержат в себе оба параметра времени – длительность бытия и временную последовательность смены фаз. В современной возрастной психологии далеко не всегда учитывается эта взаимосвязь параметров времени. Широко распространённые в ней принципы конструирования возрастных симптомокомплексов, относящихся к отдельному периоду человеческой жизни, представляют собой абстрагирование от целостного хода исторического развития с его „стрелой времени“ и своего рода консервацию в статических показателях динамики возрастных преобразований»⁴¹.

Именно поэтому у Ананьева были все основания рассматривать онтопсихологию как новое направление в исследовании человеческой индивидуальности – и его онтопсихологический подход открывал совершенно новые горизонты для психофизиологических, нейрофизиологических, нейропсихологических исследований в нашей стране.

Однако, в то время как работы нашего соотечественника не получили широкого признания, в настоящее время в России имеет значительное распространение онтопсихологиче-

---

гии. – М., 1994. – С. 82—83.

³⁸ Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. – Л., 1969. – С. 218.

³⁹ Эфроимсон В. П. Генетика этики и эстетики. – СПб., 1995. – С. 153.

⁴⁰ Запорожец А. В. Условия и движущие причины психического развития ребёнка // Хрестоматия по возрастной психологии. – М., 1994. – С. 26.

⁴¹ Ананьев Б. Г. Указ. соч. – С. 219. Менегетти А. Клиническая онтопсихология. – Пермь, 1995. – С. 20.

ская теория Антонио Менегетти, который использует в своих работах тот же термин, который много ранее предложил Ананьев. При этом Менегетти и его трактовка онтопсихологии не только не имеют ничего общего с теорией Ананьева, но и находятся, можно сказать, по другую сторону баррикад.

Если Ананьев надеялся своим онтопсихологическим подходом сконцентрировать внимание исследователей на индивидуальной онтогенетической обусловленности личностного бытия, то Менегетти провозглашает, что «онтопсихология является актуализацией четвертой силы в психологии, которую предвидел Маслоу»⁴². Ни для кого не секрет, что Маслоу, равно как и Роджерс, является основоположником гуманистической психологии и гуманистического подхода к личности, который не просто не учитывает биологические факторы в личности, но и активно игнорирует их. Именно гуманистическую психологию принято именовать третьей волной в психологии, в связи с чем Менегетти рассматривает свою теорию как четвёртую волну, которая позволит всему человечеству «от собственного духовного мира» перейти «к духовному миру всего сущего, ибо свой духовный мир – это духовный мир Вселенной». Каким образом возможен подобный переход? Очень простым (с точки зрения Менегетти): «с помощью экстрасенсорного восприятия осуществляется подготовка к онтической интуиции».

В связи с невозможностью использовать термин Ананьева «онтопсихология» для обозначения направления в психологии, занимающегося изучением индивидуальной, биологической, онтогенетической обусловленности динамики личностного бытия, в своё время я предложил термин «онтогенетическая персонология»⁴³. Нужно отметить, что онтогенетическая персонология имеет в своей основе онтопсихологию Ананьева в узком понимании этого термина и динамическую психологию – в широком.

Онтогенетическая персонология имеет существенное отличие не только от психологии развития, но и от возрастной психологии уже хотя бы в том, что возрастную психологию преимущественно интересует, что мы имеем, что мы можем и должны ожидать от личности в том или ином возрасте, а онтогенетическую персонологию в первую очередь – почему личность претерпевает различные изменения в процессе жизни и как эти изменения связаны с этапами биологического созревания и инволюции. Если возрастная психология ставит акцент на социальных факторах, считая их движущей силой развития личности, то онтогенетическая персонология ставит акцент на биологических факторах, считая, что именно биологический базис обуславливает динамику личностного бытия, а социальная среда представляет собой лишь ту питательную среду, гумус, в котором и на котором развивается личность.

Основной задачей онтогенетической персонологии, в отличие от дифференциальной психофизиологии, является не столько попытка с помощью современных методов исследования нейрофизиологических и нейрохимических процессов вычленивать специфические индивидуальные паттерны (структурно-динамические модели) функционирования центральной нервной системы, сколько изучение онтогенетической обусловленности динамики личностного бытия, изменений когнитивных функций, сознания и самосознания в процессе индивидуального созревания и инволюции и, более того, изучение зависимости структуры психических процессов от динамических и энергетических уровней нейрофизиологических процессов.

С моей точки зрения, между динамическими и содержательными аспектами психической деятельности имеется достаточно тесная связь и взаимозависимость: зная динамику

---

⁴² Менегетти А. Указ. соч. – С. 21.

⁴³ Вагин Ю. Р. Креативные и примитивные... – С. 72.

и энергетику функционирования мозга, можно в определённой степени судить о содержательной стороне психики и наоборот.

Мне думается, что лучше всех составить планкарту человеческой жизни удалось датскому учёному-психологу Эрику Эриксону. В молодости, живя в Вене, Эриксон в неофициальной обстановке познакомился с Фрейдом, прошёл курс психоанализа и затем, переехав с женой в США, стал преподавателем и крупным специалистом в области детского психоанализа. После пятнадцати лет практической и теоретической работы он выдвинул три новых положения, существенно изменившие взгляд на жизненный путь человека.

Эриксон предположил, что наряду с описанными Фрейдом фазами психосоциального развития (оральной, анальной, фаллической и генитальной) существуют психологические стадии развития собственно «Я»;

Эриксон обратил внимание исследователей на то, что значительные изменения в личности происходят не только в детском и подростковом возрасте, но и на протяжении всей жизни;

Эриксон описал параметры динамики каждой стадии жизненного пути в их позитивном и негативном аспектах.

Эпигенез (epigenesis) подразумевает, что личностный рост подчинён определённым законам, общим для всего, что растёт. У каждого типа организма имеется своя программа, в соответствии с которой для каждой части наступает своё время особой значимости, и так до тех пор, пока из этих частей не образуется функционирующее целое⁴⁴. Биология и психодинамическая психология развития в настоящее время опираются именно на эпигенетическую модель: развитие протекает как необратимый процесс от недифференцированного начала с *максимальным программным потенциалом и минимальным значением программы*, то есть с разделением на циклы или фазы с критическими переходами от одной к другой.

Работы Эриксона, который большую часть своей жизни прожил в США, читают и знают больше, чем любого другого психоаналитика⁴⁵. Однажды, беседуя с приехавшим в Россию на стажировку детским социальным работником из Англии, я был очень удивлён тем, что она прекрасно осведомлена о работах и идеях Эриксона, но практически ничего не знает ни о работах Анны Фрейд, ни о работах Мелани Кляйн, которые жили и проводили исследования возрастного развития непосредственно в Англии.

Эриксон составил уникально полную модель жизненной динамики человека от рождения до смерти, максимально подходящую максимальному количеству людей вне зависимости от их социально-демографических характеристик. Восемь стадий психосоциального развития по Эриксону включают в себя обязательные жизненные кризисы, которые человек может преодолеть с благоприятным или неблагоприятным исходом.

Ранее наиболее удобной и пригодной из всех метрических классификаций считалась классификация, предложенная Бромлей. Человеческую жизнь она рассматривала как совокупность пяти циклов: беременности, детства, юности, зрелости и старения. Каждый из этих циклов состоит из ряда стадий, характеризующихся возрастными датами и общими чертами развития.

1. Утробный

- 1) зигота (оплодотворенное яйцо);*
- 2) эмбрион (ранняя стадия биологического развития);*
- 3) плод (поздняя стадия биологического развития);*

---

⁴⁴ Тайсон Р., Тайсон Ф. Психоаналитические теории развития /Пер. с англ. – Екатеринбург, 1998. – С. 471.

⁴⁵ Элкин Д. Эрик Эриксон и восемь стадий человеческой жизни //Э. Г. Эриксон. Детство и общество. – СПб., 1996. – С. 6.

4) момент рождения (смена жизни во внутренней среде материнского организма на жизнь во внешней среде).

2. **Детство**

- 1) младенчество (от рождения до 18 месяцев);
- 2) дошкольное детство (от 18 мес. до 5 лет);
- 3) раннее школьное детство (от 5 лет до 11—13 лет).

3. **Юность**

- 1) ранняя юность (стадия полового созревания) от 11—13 до 15 лет;
- 2) поздняя юность (15 – 21 год).

4. **Взрослость**

- 1) ранняя взрослость (21 – 25 лет);
- 2) средняя взрослость (25 – 40 лет);
- 3) поздняя взрослость (40 – 55 лет);
- 4) предпенсионный возраст (55 – 65 лет).

5. **Старение**

- 1) «удаление от дел», «отставки» (65 – 70 лет);
- 2) старость (70 и более лет);
- 3) дряхлость, болезненная старость и смерть (не позднее 110 лет).

В этой классификации, равно как и во многих отечественных, стадии биологического развития перемежаются со стадиями социального развития, школьное детство – с половым созреванием, а «удаление от дел» – со старостью и смертью.

По большому счёту, чисто биологическая классификация бытия многоклеточного живого существа может включать в себя только пять стадий: зарождение, созревание, зрелость, инволюцию и смерть.

Составить реальную периодизацию динамики личностного бытия очень сложно, поскольку сами социальные системы, в условиях которых протекает жизнь индивида, существенно отличаются. Какое может быть дошкольное и школьное детство или предпенсионный возраст в тех культурах, где сами понятия школы и пенсии отсутствуют?

Эриксон описал восемь стадий развития человека и наибольшее значение уделил начальным этапам развития: детству, отрочеству и юности:

1. *Первая стадия: первый год жизни*

У ребёнка формируется такая черта личности как доверие. Психологи называют эту характеристику личности – *базисным доверием*. Родившийся ребёнок должен ощутить и почувствовать, что он желаем, что он принёс в мир радость и ему безусловно рады. Рады просто факту его появления на свет. Это тот краткий период жизни, когда нас любят *ни за что, просто так, за сам факт нашего существования*.

Если обстоятельства в этот период складываются благоприятно, у ребёнка появляется доверие к окружающей среде и своему будущему. Это очень важный период, потому что он обеспечивает или не обеспечивает психологическую поддержку человеку на всём его жизненном пути. Если ребёнок испытал близкое к импринтингу⁴⁶ чувство базисного доверия, какие бы неприятности не поджидали его в жизни, у него всегда будет внутренняя уверенность: «я – хороший человек», «я – достоин любви».

Если обстоятельства неблагоприятны – у ребёнка могут сформироваться страх перед будущим, подозрительность, неуверенность в себе, потребность бесконечно доказывать

---

⁴⁶ У новорожденного утёнка первый движущийся предмет, попавший в поле зрения, воспринимается как «мама» и он начинает повсюду следовать за ним. Импринтинг – одномоментное установление связи между инстинктивной моделью поведения и внешним средовым стимулом. Конрад Лоренц за открытие этого промежуточного между инстинктом и условным рефлексом звена получил Нобелевскую премию по биологии.

свою ценность окружающим или ещё худшие тенденции, которые могут иметь непосредственное отношение к авитальной активности. Эриксон приводит высказывание одного старого американского индейца, который порицал белых людей за то, что они позволяют часто плакать маленьким детям и даже считают это в какой-то степени полезным для развития лёгких. Неудивительно, говорил индеец, что белый человек после такого исходного опыта так стремится умереть и попасть в рай⁴⁷.

2. Вторая стадия: второй год жизни

У ребёнка формируется способность к автономии. При сформировавшемся базисном доверии ребёнок начинает всё дальше и дальше удаляться от матери, учится всё больше и больше времени проводить самостоятельно. Он ведёт себя подобно ребёнку – участнику известного эксперимента, который, сидя на цветочной полянке вместе с матерью, убедившись, что она никуда не исчезает, постепенно начинает самостоятельную поисково-разведывательную деятельность, всё дальше и дальше отползая от сидящей матери, периодически проверяя: на месте ли она. Ребёнок имеет потребность в таком поведении и испытывает гордость и радость при его успешном осуществлении. У него формируются чувства самоконтроля и самоуважения. При недостаточном базисном доверии или гиперопеке ребёнок не имеет возможности научиться независимому существованию, он не приобретает навыков самоконтроля, проявляет сомнительность и тревожность.

3. Третья стадия: возраст от трёх до пяти лет

Ребёнок учится проявлять инициативу. Он учится делать что-то *сам* и учится *сам* определять направление своей деятельности, получая удовольствие от её выполнения. Неблагоприятным моментом этого периода является вторичное самоограничение активности, страх наказания и благонаправность. Ребёнок сам впервые в жизни забивает гвоздь в полированный стол или рисует «потрясающий» узор на обоях. Накажите его за это, но только не вините потом мужа за то, что он не умеет держать молоток в руках или жену за то, что она не проявляет чудеса изобретательности на кухне.

4. Четвёртая стадия: от 6 лет до полового созревания

Формируются такие важные черты, как трудолюбие и прилежание. Расширяются и развиваются способности. Ребёнок входит в мир навыков и умений, упражняется в ловкости и смекалке. Он учится делать вещи и учится делать их хорошо. Во всех культурах на этой стадии дети проходят систематическое обучение. Фрейд называет эту стадию развития «латентной». Ранние проявления детской сексуальности как бы уходят на второй план. Ребёнок, который до этого остро переживал и различными способами проигрывал в фантазии своё желание стать отцом или матерью, на этой фазе начинает смотреть на мир более реально – он начинает интенсивно овладевать теми трудовыми навыками, которые в жизни, а не в фантазиях помогут ему, спустя короткое время, воплотить свои мечты. Как писал Эриксон: «До того, как ребёнок, в психологическом отношении уже готовый к элементарной роли родителя, способен стать биологическим родителем, он должен побыть в роли работника и потенциального кормильца»⁴⁸. При неблагоприятном прохождении этого этапа формируется *чувство несоответствия* требованиям окружающей среды и развивается комплекс неполноценности. Опасность этой стадии – остановка развития. В случае каких-либо проблем, возникающих на следующих стадиях эпигенетического развития, подросток, хорошо овладевший трудовыми навыками и умениями, но испытывающий трудности в формировании групповой идентичности, способности брать на себя ответственность и обязательства, может «остановиться» на данной стадии, «ограничив самого себя и сузив свой горизонт до границ поля своего труда». Он может признать работу своей единственной обязанностью

---

⁴⁷ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. – М., 1996. – С. 108.

⁴⁸ Эриксон Э. Детство и общество. – СПб., 1996. – С. 362.

и ценностью, а профессию и должность – единственным критерием ценности человека. Именно с этой стадией связано формирование таких распространённых форм аддиктивного поведения, как лэрнинг (патологическая страсть к учёбе) и трудоголизм (патологическая страсть к работе). В современной психологии и психотерапии основное внимание уделяется второй разновидности, хотя уход в учёбу имеет не меньшее распространение среди подростков и представляет не меньшую опасность для душевного здоровья.

5. Пятая стадия: от 14 до 18 лет

Для этого этапа жизненного пути важнейшей задачей является формирование чувства идентичности. Понятия «идентичность», «идентификация» охватывают как бы три пересекающихся плоскости психической реальности:

во-первых, это процесс отождествления себя с другим индивидом или группой, принятия существующих внешних норм, ценностей, стилей поведения как «своих»;

во-вторых, это возможность переноса своих чувств, желаний, фантазий, черт на другого человека – и как бы продолжение себя в другом (например, родители могут ожидать от ребёнка осуществления собственных честолюбивых замыслов, которые не удалось полностью реализовать, – как считал Юнг, ничто в душевном отношении не действует сильнее на детей, чем непрожитая жизнь родителей);

в-третьих, под идентификацией понимают процесс постановки субъектом себя на место другого с целью моделирования смыслового поля другого, взаимопонимания и взаимобообщения.

Рассматривая идентификацию как главную и постоянную экзистенциальную проблему личности, Эриксон понимал под ней чувство обретения стабильности при адекватном разрешении сложных идентификационных задач (кризисы идентичности), возникающих перед личностью на каждой из восьми стадий существования.

Особое значение все эти процессы имеют в период отрочества и юности, когда относительная стабильность латентного периода сменяется стремительными изменениями пубертата. Интенсивность роста тела и физиологические изменения, происходящие с подростком, сопоставимы с периодом детства – и их справедливо называют «физиологической революцией». В этот период подросток мучительно пытается понять и принять свою особую роль в коллективе сверстников, что часто приводит к *спутанности идентичности*. Попытки со стороны взрослых жёстко навязать подростку какие-либо неприемлемые для него роли приводят к бурному сопротивлению и всплескам агрессивности, которые, будучи смещёнными, легко могут обернуться против самого подростка. Побег из школы, бродяжничество, делинквентное, аддиктивное и суицидальное поведение – частые симптомы неудачной попытки идентификации этого периода.

Эриксон приводит пример патологической идентификации девушки-подростка, мать которой неоднократно заявляла, что ей легче увидеть свою дочь мёртвой, чем проституткой, и в то же время догадывалась о легкомысленном поведении дочери за пределами дома. Когда в итоге девушка попала в исправительное заведение, обвинённая в занятиях проституцией (идентификация с материнским негативным представлением как вариант агрессии против материнского диктата), и имела возможность непосредственно убедиться во всех последствиях той роли, которую она на себя приняла, «стать самоубийцей» стало для неё неизбежным выбором идентичности для того, чтобы «вернуться к матери». Она повесилась, предварительно нарядно одевшись и написав записку, кончавшуюся словами: «Ведь я достигаю чести, только чтобы отбросить её...»⁴⁹.

6. Шестая стадия: ранняя зрелость (18–25 лет)

---

⁴⁹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – Указ изд. – С. 180.

В этот период главной задачей, стоящей перед личностью, является раскрытие способности к близости и любви, способности понимать других, способности принимать на себя обязательства по отношению к другим. Однажды Фрейда спросили: «Как должен жить и что должен уметь делать нормальный человек, достигший зрелости?». Фрейд недолго подумал и ответил: «Любить и работать». В этом кратком ответе и в самом деле заключён весь тот широчайший спектр человеческой жизни, который открывается перед нами по достижении зрелости. При неблагоприятном прохождении этого этапа наблюдается дистанцирование от других, избегание обязательств и любви.

7. Седьмая стадия: средний возраст (25—55 лет)

Основной чертой этого возрастного периода Эриксон считает генеративность – способность заботиться о том, что было создано тобой ранее (о детях, работе, идеях). При неблагоприятном прохождении этого периода можно наблюдать усиление скуки, потакание своим слабостям, обеднение межличностных контактов.

8. Восьмая стадия: пожилой возраст (55 и более лет)

В норме появляется чувство умиротворённости, уменьшение озабоченности своей жизнью, уверенность в смысле жизни и её достоинстве, мудрость, принятие неизбежности смерти. При неблагоприятном исходе – отвращение к жизни и отчаяние при мыслях о смерти.

Таким образом, на первой стадии ребёнок для нормального развития должен испытать доверие к окружающим его людям и среде, на второй стадии он должен овладеть определёнными навыками самоконтроля, перейти на более автономный уровень существования, на третьей стадии – не бояться проявлять инициативу, самостоятельно заниматься деятельностью, на четвёртой – расширить запас своих навыков и умений, приступить к элементам трудовой деятельности, на пятой – расширить спектр ролевого поведения с сохранением собственной индивидуальности, на шестой – овладеть способностью принимать обязательства, принимать и понимать других, на седьмой – уметь сохранить созданное и проявить заботу, уметь пожертвовать собственными интересами во имя интересов будущих поколений (генеративность), на восьмой стадии человек должен принять неизбежность смерти и смириться с ней.

Если человек благополучно проходит через все восемь жизненных кризисов, идентичность позволяет ему испытывать самоуважение, чувство собственного достоинства, получать удовольствие от соответствия, иметь уверенность в смысле и достоинстве собственной жизни. Если нет – его ждёт постоянный страх перед будущим, перед возможным наказанием, сомнения, подозрительность, стыдливость, чувство несоответствия требованиям и комплекс неполноценности, скука, обеднение межличностных контактов, отвращение к жизни и отчаяние при мыслях о смерти.

Если изменения разрешаются успешно, позитивные личностные черты постепенно и последовательно проявляются, что в свою очередь облегчает переход к следующим изменениям. Неудачные изменения, напротив, порождают тревожность и усиливают проявления авитальной активности.

Мы постарались понять, что представляет собой нормальное развитие подростка, и подробно проследить его, потому что мы наблюдаем большое количество подростков, чьё поведение отклоняется от нормального, свойственного большинству подростков нашего общества, и эти отклонения, очевидно, не связаны с какими-либо психическими заболеваниями. Отсюда вопрос: что мы имеем в виду, когда говорим об отклоняющемся поведении подростков?

Феноменологически традиционно выделяют:

Аддиктивное поведение;

Суицидальное поведение;
Сексуальные девиации;
Антисоциальное поведение;
Асоциальное поведение.

Новая международная классификация болезней 10-го пересмотра, на которую мы недавно перешли, содержит в себе раздел «психических и поведенческих расстройств». Авторы классификации специально обращают наше внимание на то, что они используют именно термин «расстройство», а не «болезнь» или «заболевание». Расстройство – это *клинически определённая группа симптомов или поведенческих признаков, которые в большинстве случаев причиняют страдание и препятствуют личностному функционированию*⁵⁰. Изолированные социальные отклонения или конфликты в группу психических расстройств при этом не включаются. Что имеется в виду в последнем случае – не совсем понятно, но, видимо, это такие изолированные социальные отклонения в поведении, как традиция отрезать у себя фалангу пальца после смерти близкого человека у японских якудза или изолированные конфликты между супругами на кухне.

Два раздела этой классификации «Расстройства психологического развития» и «Поведенческие и эмоциональные расстройства с началом, типичным для детского и подросткового возраста» охватывают расстройства, типичные для детского и подросткового возраста. Среди них отдельно выделяется раздел собственно детских и подростковых расстройств поведения, которые характеризуются *«стойким типом диссоциального, агрессивного или вызывающего поведения»*, которое *«доходит до выраженного нарушения соответствующих возрастных социальных норм и является поэтому более тяжёлым, чем обычный ребяческий злой умысел или подростковое бунтарство»*. То есть в данном случае речь идёт именно о девиантном поведении у подростков. Слово сочетание «обычный ребяческий злой умысел», с моей точки зрения, бесподобно и наводит на массу интересных и далеко идущих размышлений.

Примеры поведения, на которых должен основываться диагноз, включают: *чрезмерную драчливость или хулиганство; жестокость к другим людям или животным; тяжёлые разрушения собственности; поджоги, воровство, лживость, прогулы в школе и уходы из дома, необычно частые и тяжёлые вспышки гнева; вызывающее провокационное поведение; постоянное откровенное непослушание.*

Любая из этих категорий *при её выраженности* является достаточной для постановки диагноза. При этом исключаются расстройства поведения, в основе которых лежат серьёзные психические заболевания типа шизофрении или депрессии, изолированные диссоциальные акты, и не рекомендуется ставить этот диагноз, если продолжительность вышеописанного поведения не составляет 6 месяцев и больше.

К расстройствам поведения Международная Классификация Болезни 10-го пересмотра относит:

Расстройства поведения, ограничивающиеся условиями семьи (антисоциальное и агрессивное поведение). Может иметь место воровство из дома, порча игрушек и украшений, обуви, одежды, мебели и другого ценного имущества; проявления жестокости по отношению к членам семьи; намеренный поджог дома. То есть ребёнок или подросток не может сдерживать своей агрессии внутри семьи (в микросоциуме), но способен на это вне её (в макросоциуме).

Несоциализированное расстройство поведения (*упорное* диссоциальное или агрессивное поведение со значительным общим нарушением взаимоотношений со сверстни-

---

⁵⁰ Международная классификация болезней (10-й пересмотр). Классификация психических и поведенческих расстройств /ВОЗ. – СПб., 1994. – С. 261—266.

ками). Характерно (но не обязательно), что нарушитель одинок. Типичное поведение включает в себя хулиганство, *чрезмерную* драчливость, вымогательство или нападения с насилием; *чрезмерное* непослушание, грубость; *тяжёлые* вспышки гнева и неконтролируемой ярости, порчу имущества, поджоги и жестокость по отношению к другим детям и животным. Агрессия одинокого ребёнка или подростка выходит за рамки семьи и направлена против его непосредственного микросоциального окружения.

Социализированное расстройство поведения (*стойкое* диссоциальное или агрессивное поведение у детей и подростков, хорошо интегрированных в группе сверстников). Имеется в виду групповая делинквентность, правонарушения в условиях членства в банде, воровство в компании, совместные прогулы уроков и уходы из дома. В этом случае агрессия детей или подростков объединяется и направлена не столько против домашних или друг друга, сколько против других групп детей, подростков, взрослых, социальных институтов или органов правопорядка.

Оппозиционно-вызывающее расстройство (характерно для детей младше 9—10 лет и проявляется *заметно* вызывающим, провокационным поведением, непослушанием при отсутствии более тяжёлых диссоциальных или агрессивных действий, нарушающих закон и права других). Дети, страдающие таким расстройством, имеют тенденцию часто и активно игнорировать просьбы взрослых, правила общественного порядка и намеренно досаждают другим людям. Обычно они сердиты, обидчивы, им легко досаждают другие люди, которых они обвиняют в собственных ошибках и трудностях, их легко вывести из себя. В типичных ситуациях их вызывающее поведение имеет характер провокации, они часто становятся зачинщиками ссор и обычно проявляют *чрезмерную* грубость, нежелание взаимодействия и сопротивление властям. В отличие от других видов девиаций данному расстройству не свойственно поведение, нарушающее законы и основные права других, например воровство, драки.

Многие исследователи считают, что оппозиционно-вызывающее поведение представляет собой менее тяжёлый тип расстройства поведения, а не качественно отличающийся тип. Оппозиционно-вызывающее поведение часто отмечается и при других типах нарушения поведения, поэтому имеющиеся данные дают основание считать, что самостоятельность этого расстройства может быть принята в основном только у маленьких детей. Для определения типа расстройства поведения у старших детей и подростков данная категория используется с осторожностью.

Разумеется, можно сколько угодно критиковать оценочные категории, используемые в классификации, такие как «чрезмерная», «достаточная», «частые», «тяжёлые», «заметные», но делать это нужно очень осторожно.

Для нас в данном случае важно другое. Достаточно поверхностного взгляда, чтобы заметить, что в основе подавляющего большинства расстройств поведения, свойственных детскому и подростковому возрасту, лежит неспособность или трудность подавления собственной агрессивности, направленной вовне. Не сам факт (!) наличия этой агрессивности (поскольку «не *чрезмерная*» драчливость, хулиганство, жестокость к людям и животным, порча собственности, поджоги, воровство, лживость, прогулы уроков, уходы из дома, вспышки гнева и непослушание рассматриваются авторами как норма⁵¹), а только её *чрезмерность* оправдывает постановку диагноза «расстройство поведения».

---

⁵¹ Я целиком и полностью с этим согласен, так как абсолютно все из вышеперечисленных видов агрессивности были свойственны ему не чрезмерно (!) в детском и подростковом возрасте (крал, врал, поджигал и прогуливал), а также выявлялись им у всех тех людей, с которыми обстоятельства позволяли ему общаться достаточно долго. И, напротив, чрезмерное (!) отсутствие каких-то видов этой агрессивности в детском или подростковом возрасте часто наблюдалось у пациентов, страдающих различными другими тяжёлыми психическими и поведенческими отклонениями. Здесь же

Все вышеперечисленные типы расстройств поведения фактически укладываются в рамки феноменологически выделяемых двух типов девиантного поведения подростков: антисоциального (с активной антиобщественной направленностью) и асоциального (с пассивной антиобщественной направленностью)⁵². Основное внимание именно этим двум формам девиантного поведения уделяется потому, что они несут непосредственную опасность не только самому подростку, но и окружающим его лицам. От них общество имеет явный и весомый ущерб, именно поэтому оно в первую очередь заинтересовано в их раннем выявлении, диагностике, профилактике, коррекции и лечении.

На суицидальное поведение и факты злоупотребления различными психоактивными веществами реально обращается меньше внимания, так как, на первый взгляд, они менее опасны для окружающих, чем вышеперечисленные формы девиаций. Кроме того, данные формы поведения значительно сложнее контролировать из-за невозможности «силового решения вопроса». Злоупотребление психоактивными веществами в подростковом возрасте в большинстве случаев не доходит ещё до той границы, когда врач в праве диагностировать заболевание и оказывать медицинскую помощь, а за факт совершения суицидальной попытки уже не направляют на обязательное обследование и лечение в закрытый психиатрический стационар. Изучение взаимоотношений нормы и патологии при суицидальном поведении выявило, что на долю психически больных людей (в том числе и подростков) приходится не более трети суицидов, остальные же совершаются людьми практически здоровыми или с пограничными нервно-психическими расстройствами, то есть людьми, не нуждающимися в обязательном лечении у психиатра, и последний даже не имеет права без согласия суицидента обсудить с ним его проблемы.

Агрессия против общества (юношеская преступность) и в настоящее время считается основной проблемой и ставится на первое место среди всех специфических проблем подростковой стадии развития, но нужно отметить, что в современных руководствах по психиатрии уже сразу же вслед за ней ставятся такие проблемы, как злоупотребление наркотиками, уход в молодёжные секты и резко возросшее число завершённых суицидов в подростковом возрасте и особенно среди детей, не достигших 12 лет⁵³. Авторы честно признаются, что многочисленные социокультурные условия, приводящие к росту злоупотребления психоактивными веществами и суицидальной активности подростков, в деталях не выяснены. Высказывается предположение, что в последние десятилетия становится всё более очевидным влияние таких факторов, как безработица среди молодёжи, возрастающие требования к работоспособности и давление отбора в школе и вузе при одновременном снижении шансов на достойное будущее. Эти факторы признаются важными как для роста подростковых и детских суицидов, так и для роста числа эксцессов насилия в молодёжных движениях и объединениях молодёжных фанатов.

Именно поэтому особая роль в профилактике суицидального и аддиктивного поведения должна быть отведена изучению и пониманию индивидуальных психологических механизмов поведения подростка. Только в том случае, если мы сможем понять скрытые эмоциональные и мыслительные процессы, лежащие за внешними поведенческими актами, мы

можно вспомнить часто встречающееся у практикующих психиатров общее мнение, что, с одной стороны, больные шизофренией, маниакально-депрессивным синдромом в детстве были «слишком правильными», и, с другой стороны, обсессивно-фобический невроз делает пациента «слишком правильным» вторично. В первом случае избыток «правильности» приводит к заболеванию, а во втором – заболевание приводит к избытку «правильности». Остаётся только вспомнить известную английскую поговорку: немножко грязи ребёнку не повредит.

⁵² В своих классификациях А. Г. Амбрумова и Л. Я. Жезлова (1973) выделяют антидисциплинарный, антисоциальный (антиобщественный) и делинквентный (противоправный) тип; В. Н. Кудрявцев и соавт. (1984) выделяют отклонения агрессивной ориентации и отклонения социально-пассивного типа, связанные с психологией отчуждения от интересов общества и коллектива.

⁵³ Психиатрия, психосоматика, психотерапия /К. П. Кискер и др. – М., 1999. – С. 58.

сможем реально повлиять на отклоняющееся поведение подростка. Борьба с неправильным поведением репрессивными методами подобна стрижке сорняков садовыми ножницами. Ни корни, ни семена при этом никоим образом не затрагиваются.

И ещё раз нужно подчеркнуть: именно в связи с непатологичностью подавляющего числа случаев суицидального и аддиктивного поведения особое значение следует уделять профилактике, помня о том, что в случае их возникновения проблему придётся решать в первую очередь педагогам и психологам, а не правоохранительным органам и врачам.

Глава 3

Кризис аутентичности

Меня всегда интересовал подростковый и юношеский период развития личности. Это тот период, когда заканчивается созревание индивида и наступает зрелость – вершина человеческой жизни. Как на колесе обозрения: сначала ты медленно-медленно поднимаешься вверх, затем – мгновение, и ты уже едешь вниз...

Мы уже знаем, что жизнь любого многоклеточного существа (в том числе и человека) включает в себя пять стадий: зарождение, созревание, зрелость, старение и смерть. Как нам правильно назвать, чтобы не быть неверно истолкованными, весь цикл человеческого бытия?

Самое подходящее и точное, но в то же время и самое обманчивое, коварное, вводящее в заблуждение, извращённое «до наоборот», а потому и самое страшное для нас слово – «развитие». «Развитие» – это великолепный термин, если иметь в виду его второе значение: «развитие» в том смысле, что нечто изначально *свитое* начинает *развиваться*, подобно пружине в механических часах. Такой процесс развития – это переход от большей энергии к меньшей, процесс не прогрессивный, а регрессивный, не эволюционный, а инволюционный и т. д. Конечно, в ходе так понимаемого развития какие-то подпроцессы могут претерпевать восходяще-нисходящие тенденции, то есть сначала нарастать, а затем спадать, но в основе всегда лежит *развитие*. Если мы заведём любую детскую машинку и поставим её на пол, скорость её сначала начнёт резко увеличиваться за счёт *развивающейся* пружины, а затем постепенно уменьшится, пока не снизится до нуля. Похожие *развивающиеся* процессы мы можем наблюдать на разных уровнях человеческого индивидуального и личностного бытия.

К сожалению, когда говорится о развитии, чаще используется первое значение этого слова – движение вперёд, движение снизу-вверх, улучшение, усложнение и переход от простого к сложному. Точно также понимаются и все производные от «развития» термины: «развивающее обучение», «развивающаяся личность». Но если попытаться вложить в «развивающее обучение» его буквальный смысл, то получится, что педагоги, развивающие ребёнка, похожи на человека, который пытается повиснуть вместо гири на цепочке часов-ходиков, чтобы заставить их идти как можно быстрее. Никто из нормальных людей, разумеется, не позволит никому чинить такое насилие над своими часами, поэтому меня всегда крайне удивляет, почему подобное насилие над детьми не только допускается, но и всеми силами поощряется.

Такое впечатление, что основная цель жизни человека – получение максимального количества информации, развитие какого-то своего таланта и в конце концов достижение всеми уровня «полной гениальности». Бертран Рассел писал, что если бы в XVII веке сто выдающихся личностей погибли в детстве, то современный мир не стал бы таким, каков он есть. «Если творческая потенция всего лишь ста человек имеет такое значение для мировой истории, то можно представить себе, – продолжает его мысль Вайнцвайг, – какое прекрасное будущее ждало бы нас, если бы целый миллиард личностей стал обладателем полноценного образования и свободы, чтобы получить возможность самовыражения и развития своих природных способностей»⁵⁴. Подход, по-моему, из области детских фантазий: как хорошо было бы съесть целую тонну мороженого и сто килограмм конфет. Миллиард выдающихся личностей! Человечество не смогло бы пристроить и миллион подобных экземпля-

---

⁵⁴ Вайнцвайг П. Десять заповедей творческой личности. – М., 1990. – С. 19.

ров. Густав Лебон писал, что он с трудом представляет, что было бы, если собрать всех выдающихся людей вместе на одном острове. Психологи-гуманисты мечтают о том, чтобы таким островом стала вся Земля. Глупо.

В англоязычной литературе, когда говорят о развитии, пользуются термином «development». Смысл этого понятия соответствует термину «развитие» в общепринятом употреблении и означает: улучшение, усовершенствование, рост, эволюцию и т. д. Так же трактуется этот термин и в психологии развития «developmental psychology» – ветви психологии, концентрирующей своё внимание на изменениях в когнитивном, мотивационном, психофизиологическом и социальном функционировании, происходящих в процессе жизнедеятельности.

Однако если говорить обо всём периоде жизни человека, то многие психологи хорошо понимают, насколько опасно и неверно использовать для описания динамических процессов, происходящих при этом, термин «development» – «развитие». Те, кто понимают эту опасность и хотят подчеркнуть неадекватность термина «развитие», используют термины «life-span» и «life-span psychology».

«Life-span» буквально переводится как жизнь «от начала до конца». «Span» – старогерманское и саксонское понятие, происходящее от слова «spanna» (ладонь), обозначает расстояние между кончиками большого пальца и мизинца, когда они разведены в разные стороны на максимальное расстояние; также расстояние между двумя концами арки; также промежуток времени от начала до конца. При этом вовсе не имеется в виду, что нечто постоянно прогрессирует или улучшается, а предполагается, что нечто начавшееся по прошествии некоторого времени завершится.

Из понятий английского языка «life-span» – для нас исключительно удобный, лишённый малейшей двусмысленности, ёмкий и точный термин. Но в русском языке аналог, к сожалению, отсутствует. Если просто пользоваться словом «жизнь», то производный от него термин «жизненная психология» приобретает значение каких-то обыденных человеческих знаний в области поведения, взаимоотношений людей.

Какое ещё понятие может более или менее точно отразить всю динамику человеческого бытия от рождения до смерти?

В восточной культуре, достигшей своего расцвета в те времена, когда многие народы ещё жили в лесах, существует понятие «дао» – обычно непере译имое, но несущее в своём содержании именно динамическую, какую-то вне личности лежащую силу, определяющую судьбу человека. Однако этот термин чрезмерно глубок, чтобы называть «дао-психологией» тот раздел психологии, который всего лишь концентрирует своё внимание на биологической, онтогенетической обусловленности динамики личностного бытия.

Учитывая вышесказанное, я стал использовать термин «онтогенез» за неимением лучшего, а не потому, что этот термин – лучший. Достаточно сказать, что в настоящее время в научной литературе отсутствует чёткая трактовка термина «онтогенез», чтобы понять, насколько трудно работать с термином, в который одни учёные вкладывают только первую половину жизни человека, другие – всю жизнь, а третьи – периодически меняют свою точку зрения.

Термин «онтогенез» ввёл в биологию Геккель в конце XIX века, обозначив им развитие особи (ontos – существо, особь; genesis – развитие, возникновение) от стадии оплодотворённого яйца до завершения процессов рекапитуляции, или повторения предшествующего филогенетического развития. Биогенетический закон Геккеля гласит: «Развитие зародыша (онтогенез) есть сжатое и сокращённое повторение развития рода (филогенез)...». Аналогичный закон в отношении психической деятельности в последующем сформулировал Фрейд, который утверждал, что и психическое развитие отдельного человека повторяет весь ход развития человечества.

Человеческий организм созревает к 20—25 годам. К этому времени заканчивается формирование всех генетически детерминированных морфофункциональных систем, в том числе и центральной нервной системы. Развитие организма закончено. Генетическая программа выполнена. Многие сохранившиеся древнеримские надгробия свидетельствуют о том, что средняя продолжительность жизни человека составляла именно 20—35 лет. И в средние века, и в период Ренессанса продолжительность жизни в европейских странах немногим отличалась от продолжительности жизни в период Римской империи.

Жизнь людей в настоящий момент в развитых странах после достижения зрелости продолжается по инерции ещё 3—5 десятилетий в зависимости от социальных условий: уровня жизни, медицинского обслуживания, питания и т. д. Средняя продолжительность жизни в разных регионах колеблется от 40 до 80 лет. До 500 лет, кроме Адама и его ветхозаветных потомков, не дожил никто. Данные о 150-летних долгожителях вызывают большие сомнения. 120—130 лет человеческий организм, скорее всего, может прожить, но из них 100—110 лет придётся на старость.

Личность не обязательно должна функционировать в системе социальных отношений, чтобы быть личностью. Она может быть, как Робинзон Крузо, выброшена из социума, но обязательно должна усвоить эту сложную систему на ранних этапах онтогенеза, иначе в дальнейшем в связи со снижением энергетического потенциала и гибкости функционирования ЦНС процесс социализации будет чрезвычайно затруднён. Детишки, описываемые в рамках феномена «Маугли», в детстве находившиеся вне человеческого общения, попадая к людям, уже никогда не могут адаптироваться к тем социальным условиям, в которые они попали.

Кроме человеческой социальной среды для формирования личности по понятным причинам необходимо наличие достаточно сохранной ЦНС и периферических анализаторов. Выраженные дефекты головного мозга приводят к неспособности ребёнка усваивать сложную систему социальных связей из-за нарушения сенсорных, мнестических, когнитивных процессов (малоумие). Нарушение или выпадение функций одного или нескольких анализаторов достаточно легко поддаётся коррекции, однако опять же важно, чтобы эта коррекция была проведена на ранних этапах онтогенеза. При создании специальных условий возможно формирование полноценной личности даже у слепоглухонемых детей.

Следует также подчеркнуть, что формирование личности возможно только на основе человеческого индивида. Ни один представитель земной фауны не обладает достаточно развитой центральной нервной системой, чтобы ассимилировать человеческую систему социальных отношений, хотя отдельные её элементы усваивают практически все домашние и даже дикие животные, если с рождения воспитываются рядом с людьми. Но даже приматы не способны продвинуться в своём «человеческом» социальном развитии дальше 3-летнего ребёнка. Известны опыты, когда детёнышей приматов (горилл, шимпанзе) исследователи-этологи пытались выращивать и воспитывать вместе со своими новорожденными детьми, создавая для тех и других абсолютно одинаковые условия. Их одинаково кормили, пеленали, ласкали, баюкали и обучали. Эти эксперименты убедительно доказали, что после короткого периода относительно равномерного развития детёныши приматов начинают стремительно отставать в скорости и объёме установления новых и сложных связей. Никакие усилия и воспитательные изыски не могут сформировать на базе нечеловеческого индивида человеческую личность.

Современный человек — это высокоразвитый, питекоидный, узконосый, двуногий примат, обладающий высоким энергетическим потенциалом и функциональными способностями ЦНС, достаточными для осуществления уникальных по своему объёму и дискретности сенсорных, мнестических, когнитивных процессов, вплоть до осуществления

когнитивных процессов максимальной степени свободы, называемых в психологии творчеством, и контрольных функций процессов жизнедеятельности, называемых в психологии сознанием.

Все эти функции появились в результате эволюции нервной системы, увеличения объёма головного мозга, увеличения количества и сложности связей между нейронами, усиления энергетического потенциала и, как следствие, функциональной гибкости ЦНС. Можно предположить, что в настоящее время эволюционный процесс движется в направлении увеличения продолжительности функциональной пластичности центральной нервной системы. Об этом косвенно свидетельствует существенно удлинившийся за последние несколько столетий период «ученичества» у человеческих детёнышей. Однако эти эволюционные процессы ни в коей мере не должны приводить к иллюзии бесконечных, каких-то особенных, избраннических функциональных способностей центральной нервной системы человека. Да, эти способности велики, но им есть предел, и предел этот биологически детерминирован. Детерминирован так же, как в сознании древнего грека была предопределена вся жизнь человека. Ананке вращает на своих коленях ось мирового веретена. Дочери Ананке – три сестры мойры – определяют человеческую судьбу: Лахесис назначает человеческий жребий, Клото прядёт нить человеческой жизни, Атропос обрезает её в назначенный час.

На сегодняшний день *созревание центральной нервной системы, а значит, и достижение максимального уровня функциональных возможностей нервно-психической деятельности происходит к 20—25 годам*. В «период от рождения до окончания психического созревания, который у мужчин нашей расы и в нашем климате продолжается в нормальном случае до двадцатипятилетнего возраста, а у женщин же завершается раньше, в девятнадцать или в двадцать лет... происходит наиболее значительное и обширное развитие сознания», – писал Юнг⁵⁵. После этого возраста трудно ожидать каких-либо существенных изменений в индивидуальном и личностном функционировании человека.

После 20—25 лет происходит постепенное снижение психической активности со всеми вытекающими отсюда последствиями. Если мы и наблюдаем незначительное количество индивидов, не подчиняющихся этому общему биологическому закону, то это ещё не значит, что последние представляют собой некий человеческий абсолют или идеал, к которому необходимо стремиться. И уж ни в коем случае нельзя рассматривать индивидов с продлённым периодом функциональной активности центральной нервной системы как нормальное явление. Это не есть норма, исходя из определения, поскольку такая (креативная) личность представляет собой редкое, краевое явление, которое, возможно, и имеет биологическую и социальную ценность, а возможно, и нет.

К сожалению, печальную картину можно наблюдать в настоящее время в отечественной психологии – и мне хотелось бы остановиться на этом подробнее. В то время как душа (psyche) – первоначальный предмет психологии, казалось бы, благодаря трудам стольких исследователей была более или менее водворена в материальный субстрат головного мозга (не всеми и не сразу), личность (personality) и сознание (conscience) – то с чем непосредственно приходится работать психиатрам и психотерапевтам, – настойчиво продолжают изгоняться за пределы анатомо-физиологических границ головного мозга. Личность и сознание провозглашаются независимыми от анатомического субстрата и физиологии головного мозга. Экстракраниальность сознания вообще уже утверждается как тривиальность. И уж тем более не признаётся подчинённость личностной динамики, личностных трансформаций, трансформаций сознания индивидуальным, то есть организменным, онтогенетическим процессам.

---

⁵⁵ Юнг К. Г. Конфликты детской души: Собр. соч. /Пер. с нем. – М., 1994. – С. 55.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.